

КАРЛО ЛУКАРЕЛЛИ

ОБОРОТЕНЬ

Самый провокационный триллер
со времен «Молчания ягнит»!

Карло Лукарелли в сегодняшней Италии — автор триллеров номер один!

Блестящий стилист, ученик знаменитого Алессандро Баррико, Лукарелли возвел расследование кровавых преступлений в область искусства и, как Акунин в России, сделал для итальянцев чтение детективов модным занятием.

Среди множества бестселлеров Лукарелли особой популярностью пользуются романы о полицейском инспекторе Грации Негро — красивой и отважной женщине, которая расследует ужасающие своей жестокостью преступления серийных убийц-маньяков.

Как героиня Джоди Фостер из бессмертного "Молчания ягнят", она вступает в яростный интеллектуальный поединок с преступником. Ежечасно рискуя жизнью, балансируя на грани дозволенного, Грация Негро дразнит убийцу и выманивает его на свет, как хищного зверя. Провокационно-двусмысленные отношения между ними создают напряжение такого накала, что финала-взрыва ждешь, как глотка долгожданного воздуха...

Предупреждаем: Карло Лукарелли — мастер совершенно неожиданного финала!

Карло Лукарелли

Оборотень

Убийца так резко, с такой силой затянул ремень, что Моника ободрала себе язык о зубы, когда от неистового спазма он стал вываливаться наружу через полуоткрытый рот. Девушка распахнула глаза в темноте, ничего не понимая, потому что до этого она спала, свернувшись калачиком, уткнувшись щекой в теплую кожу сиденья, и лишь пробормотала что-то невнятное, услышав тихое шуршание ремня, обвивавшегося вокруг шеи, и торопливое звяканье пряжки.

Убийца приподнял ноги, уперся коленями в ее выгнувшуюся спину и снова дернул обеими руками свободный конец ремня. Моника захрипела, пытаясь просунуть пальцы под ремень, но лишь царапала себе подбородок; потом раскинула руки, чтобы привстать, но смогла только коснуться подлокотников и чуть задеть кончиками пальцев наклоненное зеркальце заднего обзора. Тут она застонала, выпячивая губы; руки застыли с вывернутыми запястьями, глаза закатились — и тогда первый укус разодрал ей плечо. Босой ногой она ударила по приборной доске, сломав себе левый мизинец, но уже наступила смерть, и девушка ничего не почувствовала.

Когда убийца оторвался от нее, приваливаясь к дверце, на зубах у него остался приторный, вязкий привкус крови. Он закрыл глаза, склонил голову набок, ощутил через редкие волосы на затылке влажное, холодное прикосновение стекла, и ему, как всегда, захотелось немедленно уехать, вернуться домой. Он устало вздохнул, но сделал над собой усилие, рывком распахнул дверцу, затем коленями вытикнул Моника из машины, вывалил в ров, зиявший чуть ли не под самыми колесами. Выпрямился, вдел ремень в брюки, аккуратно заправил сорочку и только потом застегнул пряжку, вложив язычок в привычную дырочку; наконец, вынул из кармана платок и не спеша, смотрясь в запотевшее зеркальце, вытер губы, подбородок, уголки рта.

Завел мотор, включил кондиционер на полную мощность, и тот заработал с ровным, мощным гудением.

— Сколько мне еще осталось?

— Я ничего такого не говорил...

— Ты сказал, что моя болезнь неизлечима. Сколько мне еще осталось?

— Господи, что ты за человек такой? Объясняю все сначала, слушай...

Бонетти сцепляет пальцы, большой с указательным, под прямым углом, и откидывается в мягком кресле так, что ворот рубашки врезается ему в подбородок. Склоняет голову набок, и солнце, отражаясь в стеклах очков, заволакивает их белой пеленой. Я растираю руки, пытаюсь согреться, потому что уже полчаса сижу в одной майке под самым кондиционером. Мне холодно, хотя лето еще не кончилось. Мне все время холодно.

— Итак, пункт первый: у тебя может быть наследственная бессонница, генетически обусловленное заболевание нервной системы, очень редкое: во всем мире насчитывается не более пятидесяти случаев.

— Мой — пятьдесят первый.

— Пункт второй: болезнь может стать неизлечимой и смертельной, если не захватить ее в самом начале. Сперва прогрессирующая неспособность заснуть, сопровождаемая

мышечными спазмами, высоким давлением, тахикардией, обильным потоотделением, повышением температуры... потом нервные расстройства, с каждым разом все более тяжелые, и, наконец, кома.

У меня тоскливо сосет под ложечкой, но мысль о смерти отходит на задний план. Не время.

— Сколько мне еще осталось?

— Да погоди ты... выслушай хотя бы третий пункт. — Большой палец по-прежнему соединен с указательным. — Я ведь не зря употребил сослагательное наклонение. У тебя *может быть* наследственная бессонница, а может быть тяжелый невроз.

— Ты хочешь сказать, что я сумасшедший...

— Я это говорил всегда... с тех самых пор, как мы с тобой сидели за одной партой в лицее.

Я улыбаюсь, и он с облегчением улыбается тоже. Но уверенный тон знающего свое дело врача никого не обманет: он, Бонетти, очень обеспокоен, куда сильнее, чем я. Может быть, потому, что я не помню, когда в последний раз спал; может быть, потому, что этот накопившийся, неиспользованный сон жжет уголки глаз и завлакивает зрение — но мысль о смерти не слишком смущает меня. Я только хочу знать, сколько мне еще осталось.

Бонетти наклоняется вперед, ставит локти на стол. Солнечный луч, падавший на стекла очков, расступается, словно занавес в театре, и показываются голубые глаза, всегда широко открытые, немного навывкате. Бонетти сжимает лицо руками, и щеки, стиснутые между ладоней, поднимаются к глазам, придавая им восточную косину.

— И что теперь? — бормочет он. — Что будем делать?

— Не знаю, — отвечаю я. — Ты у нас врач. А я работаю в комиссариате.

— Нет, послушай... я-то знаю, что нужно делать, но решать тебе. Я тебя вижу насквозь, ты вбил себе в голову, что ты болен, и с этим уже ничего не поделаешь. А можно было бы сдать анализы, изучить как следует историю болезни той твоей сестры, которая умерла непонятно от чего десять лет назад. Но прежде всего тебе нужно бы лечь в больницу...

Я мотаю головой. Мотаю решительно, до боли, до хруста в шейных позвонках.

— Ну вот видишь... и что теперь? Что мне прикажешь делать, если ты не хочешь мне помогать? Почему бы тебе не поговорить с женой...

— Я не говорю с женой с тысяча девятьсот девяностого года.

— Ах, ну да, верно... Ну что ж, дальше и ехать некуда. Вот уже четыре года ты дома играешь в молчанку, а на работе возглавляешь оперативный отряд. Идеальные условия для человека, которому противопоказан стресс в любой форме. Мои поздравления...

Станный звук, тонкий, настойчивый. Уже некоторое время я морщусь лоб с той же досадой, с какой слышу писк будильника по утрам, в те краткие минуты, когда мне удастся забыться. Бонетти показывает на мой пиджак, который висит на вешалке возле кушетки.

— Кажется, это твой сотовый, — говорит он, — но если тебе дорого здоровье, прошу тебя, не отвечай сейчас. Ну вот, пожалуйста, как об стенку горох...

Голос звенит в микрофоне, то и дело пропадая: я все время забываю сменить батарейку. Узнаю апулийский выговор Грации — открытые «о», упор на двойные согласные.

— Комиссар Ромео? Это...систент Негро, доктор...ы слышите?

— Да, слышу, — кричу я, — слышу! В чем дело? — Еще громче: — В чем дело?

— ...уп девушки...олини Моника... наркоманка, проститут... в морг, потому что эти говню...

Я верчусь по комнате, прижимая сотовый к уху, как будто это поможет, и делаю знаки Бонетти, который продолжает мне что-то говорить.

— Я напишу письмо твоему врачу, пусть назначит тебе лечение, срочно направит на обследование, а потом...

— ...зубов на заднице, и я поду... я бы не стала вас беспокоить, если бы...меститель проку...

— Негро? Грация, я ни черта не слышу... перезвони по этому номеру...

— И я хочу, чтобы завтра ты съездил в Болонью, в Центральную клинику, и попросил копию истории болезни твоей сестры, а потом...

— ...ика... ли... ет...

— Грация.

— А пока я выпишу тебе снотворное, а также...

— Бога ради, Бонетти, замолчи!

Он умолкает разом, как отрезало. Я иду к окну, направляю антенну в небо. Собираюсь открыть его, когда сквозь стоны и завывания разрядов до меня доносятся два слова, всего два, внятные, громкие, от которых мурашки бегут по коже:

— Оборотень.

В морге собачий холод. Я это замечаю, когда Грация застегивает молнию до самого горла и кутает подбородок в воротник оливковой куртки, а руки прячет в карманы. Грация в отчаянии, хотя она и не виновата в том, что двое идиотов-патрульных, прибывших на место происшествия, тут же вызвали карету «скорой помощи», которая увезла труп. Не дожидаясь следственной группы, не получив «добро» от управления. Так что, когда я остановил машину перед старой уличной печью, в конце глухого проулка, пересекающего поля между Моденой и Павульо, во рву оставались только фотограф из «Карлино» и Пальярини, эксперт из научно-исследовательского отдела, который, согнувшись в три погибели, шарил в траве. Улики? Ни единой, только бродяга, спавший в печи, да примятая трава в том месте, где лежал труп. И где он сейчас? Кто — труп или черномазый? Тот и другой. Там, где им и положено быть: негр в иммиграционном отделе, труп в морге.

— Спаццали Моника, двадцать один год, родилась в Павульо, проживала в Модене на улице не важно какой. Наркоманка, время от времени занималась проституцией, в определенном месте, за умеренную плату. В основном промышляла на вокзале.

Грация отрывает взгляд от блокнота, по которому читает, и поднимает голову, чтобы взглянуть на меня: она небольшого роста и стоим мы лицом к лицу.

— Как Альбертини Фабиана, — добавляет она, — и Санджорджи Франческа.

В морге поистине собачий холод, а от слепящего света неоновых ламп кажется еще холоднее.

Белый кафель на стенах радужно сверкает, словно на снимке, не попавшем в фокус.

Плитки пола мерцают, переливаются под ногами, будто в лунном свете.

У доктора очки в серебряной оправе и длинные, бледные, точно восковые, пальцы, сплетенные поверх белоснежного, без единого пятнышка халата.

Но ярче всего — глянцева, мертвенно-бледная кожа Спаццали Моника, двадцать один год, проживавшей на улице не важно какой, простертой на зеленоватом мраморном столе, с табличкой из твердой пластмассы, привязанной к большому пальцу ноги, белой-белой, почти голубой. От этого слепящего, нереального блеска меня покачивает, а кислый запах

замороженной смерти вонзается в желудок и сминает его. Но я хочу видеть. И вижу.

Вижу синеватые следы зубов на ногах девушки, глубокие лиловые дыры, пронзившие кожу плотным венцом, абсолютно круглым. Такие же темные дыры я вижу и на ягодицах, когда патологоанатом берет ее за руку и переворачивает на мраморном столе, и тело мягко шлепается, с таким звуком, будто спустили шину. Это неожиданно — глядя на гладкое, белое, почти прозрачное тело, представляешь себе, что оно должно быть твердым, словно мраморная статуя.

Доктор:

— Удушение. Между двадцатью двумя часами и пятью часами утра. Имеются следы борьбы, хотя напали на нее сзади и незадолго до смерти она скорее всего спала. Видишь, какой язык?

Доктор склоняется над лицом девушки, видным в профиль, сдавленным между поверхностью стола и поднятой рукою, и кажется, будто собирается чмокнуть ее в щеку.

Но вместо этого раздвигает ей зубы костлявым пальцем, затянутым в тусклую резину хирургической перчатки: это целеустремленное движение кажется мне таким непристойным, что я поворачиваюсь к Грации, к ее здоровому, круглому лицу, загорелому после недели отдыха в Гаргано. Доктор в задумчивости кивает, склоняется еще ниже и с раздутыми ноздрями чуть ли не трется носом о тело девушки, словно обнюхивая его. Сухо щелкнув пальцами, отбрасывает волосы с ее спины, обнажает затылок.

— Убийца затянул удавку так крепко, что оставил на шее следы. Эти гематомы — от дырочек ремня, видишь? Смотри сюда... здесь гематома крупнее, сюда, наверное, пришлась та дырка, на которую обычно застегивается ремень, так что мы можем на глазок определить, что этот тип носит сорок восьмой размер брюк, примерно как я...

Доктор выпрямляется, опустив руки, и вдыхает воздух с каким-то резким, клопочущим звуком. Только через пару секунд я понимаю, что он смеется.

— Ну и, естественно, остались зубки. Пятнадцать укусов на спине, бедрах и ягодицах, почти все нанесены после смерти, на голое тело.

— Как у Альбертини Фабианы и Санджорджи Франчески, — повторяет Грация и вдруг застывает, как вкопанная.

Доктор, приоткрыв рот, склонился к голым ягодицам девушки, и у нас обоих, я уверен, возникает четкое впечатление, что он сейчас приложит свои зубы к оставшимся синякам.

Но он внезапно поворачивается к нам, улыбается:

— В данный момент я больше ничего не могу вам сказать. Сейчас произведу вскрытие. Хотите присутствовать?

— Сперва он долдонил одно и то же: «Роберто Баджо» да «закон Мартелли»... теперь, правда, выучил пару слов по-итальянски.

Старший инспектор Витали надевает пиджак. Край рубашки торчит из штанов, и Витали, заметив, что я на него смотрю, быстро сует руки в карманы, одновременно поправляя перстень, почти сползший с пальца. Витали вертится вокруг стола в иммиграционном отделе, делает вид, будто роется в бумагах, пытается придать себе важности.

— Кто он? — спрашиваю я, и Витали пожимает плечами.

— А? Документов у него нет, сам он говорит, что его зовут Эмир Бен что-то там еще. Из Сенегала или из Нигерии, не знаю... Негр, одним словом. Он там, с Карлони. Хотите с ним

повидаться?

Я хочу с ним повидаться. Сворачиваю по коридору, захожу в отдел регистрации, где Карлони, сидя на столе, болтает ногами. Перед ним — негр в полосатой футболке, с сигаретой в углу опухшего, изуродованного рта.

Карлони делает знак Грации, чтобы та закрыла дверь, потом шепчет, указывая на негра:

— Впору проводить служебное расследование. Он приковал парня наручниками к батарее и забил бы насмерть, если бы я не пришел. Так нельзя... Рано или поздно что-нибудь стрясется, и весь отдел окажется в дерьме. Я всегда говорю: наше дело — регистрация...

Я хватаю стул, хочу оседлать его, положить подбородок на спинку, но стул с подлокотниками, и приходится сесть как следует, откидываясь назад. Внезапно накатывает сон, коварный, неодолимый; глаза слипаются, превращаются в щелочки. Прежде чем заговорить, я облизываю пересохшие губы.

— Вы понимаете по-итальянски? — спрашиваю я у негра, и тот энергично кивает.

— Неправда, он говорит только по-французски, однако на все вопросы отвечает «да». Ничего не понимает, но уж очень уверен в себе.

Негр снова кивает, пепел с сигареты дождем сыплется на футболку. Может, виной тому полусонное состояние, но мне кажется, что крошечные частицы сгоревшей бумаги падают на полосатую ткань легко и неспешно, словно снежинки. Да и звуки доходят до меня приглушенными, как в снегопад: Грация, стоя у двери, раскачивается с пятки на носок, постукивая каблуками; негр шумно, с присвистом курит; Карлони барабанит пальцами по столу. Его голос:

— Я вам все объясню, доктор... Этот тип спал себе один-одинешенек в печи, патрульная машина разбудила его, он увидел агентов и попытался удрать. Верно?

Негр кивает.

Карлони взмахивает руками:

— Видите? Он не понимает, но уж очень уверен в себе... Агенты, однако, его схватили и привели сюда. Он говорит, что его зовут Эмир Бен Абид и что он приехал из Сенегала, но у него, естественно, нет ни клочка документов — ни вида на жительство, ни постоянного места проживания.

— Как же нам у него спросить, что он видел или слышал?

Свой голос я тоже слышу как будто издалека. Очень хочется пить.

— А я уже спросил, инспектор... Я здесь именно потому, что говорю по-французски. Он рассказал, что в середине ночи, он точно не знает когда, но было еще темно, он услышал, как машина разворачивается на площадке перед печью, метрах в трехстах от рва, где нашли девицу. Вы знаете тот проулок, он очень удобный для проституток, его весь нужно проехать, до самого конца, чтобы повернуть.

Грация:

— Не слышал ли он криков, шагов, шума борьбы?

— Нет, он слышал только, как разворачивается машина.

Грация смотрит на меня, разочарованно скривив губы, и бормочет:

— Очень жаль. — Потом, наморщив лоб, поворачивается к Карлони. — Ты почему смеешься?

— Потому что это еще не все. Знаете, после того, как нацисты попытались поджечь какого-то марокканца, эти люди спят вполглаза, как Текс Уиллер... Стало быть, слышав шум, наш африканец вскочил и высунулся посмотреть, что там такое.

Моя сонливость внезапно проходит, только во рту остается сладковатый привкус да щекотно в горле, будто после глотка только что откупоренного шампанского. Я отрываюсь от спинки стула и устремляю взгляд на негра, который убежденно кивает.

— И что же он увидел?

— Черный «мерседес».

— Точно? — сомневается Грация. — Было темно, а он, возможно, не слишком разбирается в моделях...

Карлони придвигает к ней листок бумаги, а негр склоняется и тычет туда пальцем.

— Я попросил его нарисовать фирменный знак, это точно знак «мерседеса». Что же до цвета, то вчера было почти полнолуние, все видно, как на ладони. Но и это еще не все...

Он скрещивает руки на груди, качает головой, с лукавой улыбкой приподнимает бровь. Он, Карлони, ждет расспросов, но я всего лишь смотрю на него пару секунд, а потом испускаю вопль, от которого вздрагивает он сам, негр, Грация и, возможно, все сотрудники уголовного отдела, находящегося за стенкой.

— Черт бы тебя подрал, Карлони, говори! Мне что, спеть и сплясать перед тобой?

Я напеваю «та-та-та-таам», как в фильмах, и он, густо покраснев, поджимает губы. Говорит торопливо, дрожащим, срывающимся голосом:

— Ну так вот, этот африканчик, который у нас торгует спичками, у себя дома был чем-то вроде инженера...

— И что?

— А то, что у него хорошая память на цифры, он их запоминает с первого взгляда. «Модена пять-три-шесть-восемь-восемь-один». Последнюю цифру он не успел разглядеть, но ведь и этого достаточно, да?

«Модена пять-три-шесть-восемь-восемь-один-два».

Я вижу этот номерной знак из окошка моего автомобиля заключенным в рамку, будто в экран телевизора, под желтым светом зажигающихся фонарей. А если перевести взгляд, вижу многоквартирный дом, перед которым припаркован черный «мерседес», чуть деформированный по бокам в изгибе лобового стекла, как в старом кинескопе. И еще дальше, между алюминиевыми штырями, на которых держится подголовник соседнего со мной сиденья, я вижу подъезд и домофон с рядами кнопок. Под одним из них значится имя владельца машины. Марио Веласко, улица Кампителли, 31. Инженер.

— Что это за спазмы?

Грация смотрит на меня, большие глаза широко распахнуты, посередине лба — крохотная, выражающая озабоченность морщинка, нарушающая четкую линию темных бровей. Она сидит рядом со мной, держит на коленях фотоаппарат; объектив приткнулся к туго натянутой джинсовой ткани, а маленькие пальчики с коротко остриженными ногтями лежат на кнопке пуска, в любой момент готовые на нее нажать.

— Какие спазмы?

— У вас спазмы... Время от времени вы дергаете рукой и сжимаете кулак. Вот уже третий раз... Вам нехорошо?

Я ничего такого не замечал. Смотрю на свои руки: они так долго лежали на руле неподвижно, что совсем затекли. Растираю их, засовываю в карманы.

— Это, наверное, потому, что я не спал ночь, — объясняю я.

— Вас уже давно мучит бессонница, верно? Вы ходили к своему другу-врачу?

Я не отвечаю. Бросаю быстрый взгляд на машину, потом на дом, потом на подъезд. Потом в обратном порядке: подъезд, дом, машина. Темнеет.

— Что у нас есть? — спрашиваю я. — Давай-ка подытожим.

Грация кивает, выпячивает нижнюю губу и снова морщит лоб, на этот раз сосредоточенно, сощутив глаза. Открыв рот, чтобы заговорить, она вздыхает и влажно прищелкивает языком, как это делают дети.

— Итак, лето восемьдесят девятого: Альбертини Фабиана, двадцать два года, наркоманка, время от времени занималась проституцией. Выброшена в ров на одном из перекрестков виа Эмилии, перелом основания черепа. Возможно, от удара камнем. Явные следы жестокого укуса на плече...

Я киваю. Вспоминаю фотографию на столе у комиссара. Скверную черно-белую фотографию, бледную и расплывчатую. Снова обвожу взглядом машину, дом, подъезд... подъезд, дом, машину и делаю Грации знак продолжать.

— Последним, кто видел ее в живых, вернее, предпоследним был клиент, подцепивший девушку на вокзале; он добровольно явился дать показания. И показал, что оставил ее под эстакадой, а когда отъезжал, заметил, как она тут же села в другую машину — в «Мерседес 5000 СЛ», черного цвета, в которой находился мужчина с лысиной. — Грация указала на машину, припаркованную у тротуара.

Я опять киваю. Машина, дом, подъезд. Подъезд, дом, машина. Нигде ни малейшего движения.

— Потом была Санджорджи Франческа, в марте девяносто второго. Излечившаяся наркоманка, занималась проституцией, чтобы содержать жениха. Найдена задушенной почти у самой Болоньи. Один из карабинеров, обнаруживших тело, сообщил, что ноги девушки были покрыты круглыми синяками, похожими на следы укусов, но капитан их принял за следы борьбы. Тогда мы и окрестили убийцу Волком-оборотнем, помните? Потом в управлении отвергли идею монстра-маньяка, карабинеры арестовали жениха девушки, а еще была история с бригадиром, которого по ошибке убил полицейский; наши отношения с карабинерами окончательно испортились, так что о том расследовании мы почти ничего не знаем.

Машина, дом, подъезд; подъезд, дом, машина. Темный силуэт последней уже едва различим в вечерних сумерках.

Огонек домофона то загорается, то гаснет, так что в самом деле возникает впечатление, будто смотришь на экран телевизора.

— Вот опять.

— Что — опять?

— Спазм. У вас так сильно дернулась рука, что я даже испугалась. Знаете, меня это беспокоит... О господи, вот он, вот!

Из дома на ступеньки выходит человек, очерченный рамкой подъезда; там, за открытой дверью, темно, почти как в пещере. Худощавый мужчина, не слишком высокий, с лысиной. Он делает полшага по направлению к «мерседесу», но останавливается на первой ступеньке, взмахнув рукой, в которой зажата сумка, болтающаяся на уровне колен. Свист фотоаппарата Грации, которая молниеносно делает снимок за снимком, скорчившись у окошка, внезапно прерывается.

— Вот дерьмо, этот тип нас засек! — шепчет она, прячет фотоаппарат между бедер, поворачивается ко мне, быстро обнимает, прижимаясь всем телом.

Чувствуя, как ее мягкие губы тычутся мне в подбородок, я застываю, захваченный врасплох, потом кладу руку ей на плечо. Когда она наваливается на меня, приникает плотнее к моей груди, чтобы повернуться к окошку, я не могу сдержать эрекции, стесненной, мучительной, сплюснутой молнией на моих брюках и кобурой ее пистолета.

— Нет, он нас не засек, — шепчет Грация, — он что-то забыл.

Действительно, мужчина останавливается на ступеньке и хлопает себя по карманам. Коленом прижимает сумку к стене, роется внутри. Грация отстраняется, оправляя на груди футболку. Зардевшись, потупив глаза, она покашливает, прочищая голос. Ей неловко.

— Извините, комиссар, — шепчет она наконец. — Я, наверное, насмотрелась фильмов.

Я не знаю, что и сказать. Надо мной еще витает сильный, немного резкий запах ее рук. Хочется смеяться, но мужчина на ступеньках закрывает сумку, и Грация снова поворачивается к окошку.

— Ничего-ничего, — выдавливаю я, скорчив гримасу, которая могла бы сойти за улыбку.

— Марка машины, номер, лысина, даже размер брюк — так, навскидку, как раз сорок восьмой. По мне, так это он, доктор, и на этот раз в управлении должны выдать ордер на арест.

Мужчина, пыхтя, разворачивается на носках; сумка бьет его по коленям. Вместо того чтобы спускаться, он склоняется к домофону и разглядывает таблички с именами жильцов.

Мигающий огонек внезапно вспыхивает, подсвечивая его лицо снизу, и на какой-то миг глаза тонут в глубоких, темных впадинах; я смотрю под таким углом, что голова эта кажется черепом мертвеца.

— Да, — вырывается у меня, — да, это он!

И на этот раз сам ощущаю явственный, сильный спазм: кулак сжимается, рука подскакивает, с силой ударяя в грудь.

После первого же удара кровь брызнула ему на темные очки с напором и яростью плевка, но он продолжал ее колотить, прижимая к земле коленями, одной рукой вцепившись ей в горло, в другой сжимая камень. Продолжал колотить, пока она не пропала в красном тумане, за плотным покрывалом из капель, застлавшим стекла очков, и даже тогда он продолжал колотить наобум, ориентируясь на хлюпающий звук, с которым острый камень опускался по прямой линии, все чаще и чаще.

Он прекратил лишь тогда, когда руки отяжелели и движения замедлились, когда болезненная судорога свела мышцы от самого плеча; тогда он откинулся назад, сел, опершись обо что-то спиной, и стал брезгливо пинать ногами мертвое тело, отталкивать его от себя. Вытер очки тыльной стороной руки, и туман, состоящий из капель, превратился в густую красную полосу, совершенно непроницаемую: так случается, когда «дворники» работают всухую, размазывая грязь по ветровому стеклу.

Он не представлял, где находится, к чему прислонился, на чем сидит. Так он чувствовал себя, когда ребенком внезапно просыпался среди ночи и оказывался в кромешной тьме, без каких-либо ориентиров, с тоскливым страхом осознавая, что все вокруг: тумбочка, подушка, лампа, изголовье кровати — сместилось, перемешалось и теперь уже не найти, где верх, где низ.

А кто она была такая, эта девушка, которой он только что проломил череп, уже вылетело из памяти.

— Нет, нет, нет, нет, Ромео, нет... Ничего-то у вас нету, никаких оснований.

Не следовало останавливать его во дворе. Не следовало бежать за ним по лестнице и окликать в тот самый момент, когда он собирался сесть в машину вместе с охраной. Следовало засесть в приемной и там дожидаться Ландзарини, тем более что тот должен был вернуться через десять минут, самое большее через четверть часа, сказала секретарша. Но я горю от нетерпения, я бегу за ним по коридору суда, нагоняю во дворе, и все идет прахом. И ведь знал же я, что после инфаркта заместитель прокурора Ландзарини стал ценить покой и терпеть не может решать дела наскоком.

— У нас есть имя, фамилия и адрес, даже размер брюк и отпечаток зубов!

— Да, да, да, Ромео... На словах все выглядит гладко, очень гладко. Но если покопаться, что останется? Рассказ коллеги, которому какой-то бродяга, к тому же нелегальный иммигрант, поведал, будто бы разглядел номерной знак...

Перебивать его было ошибкой, но я уже закусил удила.

— Однако если сопоставить эти сведения с теми, что накопились в других аналогичных делах...

— Вот-вот-вот, Ромео... Об этом забудьте. Нет никаких аналогичных дел. Я вам уже высказывал свое мнение об этой вашей теории серийного убийцы. Вдумайтесь, вникните! Мы живем в Италии, не в Америке. Мы таких называем монстрами, нелюдями, у нас это мальчишки, которые кидают камни на автостраду, или, например, калабрийцы, которые убили девочку, изгоняя из нее беса, потому что сочли ее одержимой... Какие уж тут серийные убийцы. Да еще в Модене, в Эмилии! Послушайте, Ромео: самый жуткий маньяк-убийца, какого вы сможете здесь найти, это мясник, забивающий кошек, чтобы делать начинку для пирожков.

Заместитель прокурора смеется, смеется и начальник охраны, который уже сел в машину и берет у Ландзарини портфель.

У меня дрожат руки, я засовываю их в карманы и сжимаю кулаки так крепко, что ногти вонзаются в ладони.

— И все-таки кто он, этот ваш монстр-маньяк?

— Марио Веласко, инженер.

Ландзарини качает головой:

— Не знаю такого. Послушайте меня, Ромео, послушайте... Мне сдается, что в этом деле замешаны наркотики, но я не хочу, чтобы потом говорили, будто я какой-то версией пренебрег. Сделаем так... Для начала принесите мне подлинные показания того бродяги, и посмотрим, что из этого можно извлечь. Вы довольны? Приходите завтра, с показаниями сенегальца; завтра, Ромео, завтра. Вместе с сенегальцем.

— Выслали? Как это — выслали? Куда?

Карлони печатает на машинке, быстро-быстро. Взгляд устремлен на лист бумаги, плотно сжатые губы едва приоткрываются, когда он отвечает:

— С предписанием покинуть страну в течение пятнадцати суток; в случае несоблюдения сроков...

Я стучу кулаком по столу, отчего подпрыгивает пластмассовый пенал со значком дорожной полиции. Локтем задеваю Грацию, та отскакивает со сдавленным вскриком.

— Оставь в покое протокол, Карлони, я прекрасно знаю, как высылают иностранцев!

Ты хочешь сказать, что его здесь больше нет? Что вы его отпустили на все четыре стороны?

— Таков закон, инспектор.

— На хрен закон!

Я готов снова треснуть кулаком по столу, но вовремя сдерживаюсь. Карлони бешено, как из пулемета, стучит на машинке, потом поднимается, обходит стол и закрывает дверь. Прислоняется к ней, скрестив на груди руки.

— Это Витали, — шепчет он, — прознал, что дело сулит неприятности, и решил как можно скорее избавиться от сенегальца. Я ничего не мог поделать. Он на нас на всех положил.

— А показания? Этот человек — важный свидетель по делу об убийстве...

Карлони показывает на папку кремового цвета, которая лежит на столе рядом с пишущей машинкой.

— Они там, внутри, эти показания, но не теряйте времени, чтобы их читать: там ничего нет. Их написал сам Витали, там нет ни слова ни о номерном знаке, ни о марке машины. Бродяга проснулся, заметил машину темного цвета и заснул опять. Все.

— Но ты-то помнишь номер, который мне продиктовал, так? Ты-то помнишь, что говорил сенегалец!

Карлони раздувает щеки, на какой-то момент мне кажется, что его лицо вот-вот непоправимо исказится, губы вывернутся, выпятятся вперед, толстые, закругленные, как сурдина, трубы.

— Нужно было срочно составить общий отчет по свидетельским показаниям, а потом... был разговор со старшим инспектором, он признал кое-какие свои ошибки, дал обещания, принял на себя обязательства... В общем, комиссар, получилось так, что и я уже не помню, какой там был номер.

Последняя сигарета из пачки. Раздавлена в пепельнице вместе с остальными. Густой запах табачного дыма, застоявшийся в моем кабинете.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нужно начинать все сначала... то есть просто начинать, потому что до сих пор мы так ничего и не добились.

Я раскачиваюсь на стуле, пол-оборота в одну сторону, пол-оборота в другую, упираясь каблуками в край письменного стола. При каждом движении Грация появляется то справа, то слева от зеленой лампы с коническим абажуром, которая стоит у меня посередине стола. Она пишет в блокноте, сначала справа от лампы, потом слева; время от времени авторучкой сбрасывает со лба прядь черных волос, которая лезет в глаза, и внимательно на меня поглядывает.

Когда три года тому назад Грация поступила к нам на службу, Карроне, бывший начальник оперативной группы, сказал: «Почему бы тебе не заняться этой твоей ассистенткой? Она не бог весть что, но довольно миленькая и глаз с тебя не сводит — по моему, стоило бы попробовать».

Я улыбаюсь чуть ли не смущенно.

— Пока что направим ориентировку на розыск сенегальца всем квестурам и комиссариатам, а также в казармы карабинеров. Потом пройдемся по всем трем убийствам, чтобы уж точно ничего не упустить, а после сделаем запрос в криминальную полицию по поводу сходных случаев в регионе: чем черт не шутит. Потом я пойду на доклад к комиссару

полиции и попрошу поставить на прослушку телефон инженера, неофициально. И к самому инженеру приставим слежку, тоже неофициальным путем. И постараемся выяснить все, что только возможно, об этом самом инженере.

Грация пишет, то справа, то слева, то слева, то справа от лампы, а я чувствую, как медленно скольжу куда-то в клубящемся тумане, который мало-помалу, начиная со спины, поглощает меня. Я мотаю головой, разгоняя застарелую сонную одурь, застилающую глаза. Если бы только мне удалось хоть одну ночь поспать...

Рядом с компьютером заливается телефон. С подавленным стоном я выхожу из оцепенения. Сердце подпрыгивает в груди, бьется быстро-быстро, почти до боли. Делаю знак Грации, чтобы та ответила, потому что мне не хватает дыхания, а когда, собравшись с силами, протягиваю руку к трубке, слышу, как Грация говорит: «Комиссар сейчас придет» — и кладет трубку на стол, сама бледная как мертвец.

— Кто это? — спрашиваю я хрипло.

— Вам нужно подняться к начальству. Срочно. Там один синьор пришел со своим адвокатом и спрашивает вас.

— И что это за синьор?

Грация разводит руками, на лице ее читается страх.

— Комиссар... это инженер Веласко.

На лестнице, ведущей к кабинету главного комиссара полиции, жестокий спазм под ложечкой пригибает меня так, что я едва не касаюсь руками ступенек. Я резко выпрямляюсь, подпрыгиваю, будто выбираясь из болота, и хватаюсь за поручень. От этих движений сердце снова бьется сильнее, и когда я стучу в дверь комиссара полиции, одышка становится нестерпимой и рот непроизвольно открывается.

Инженер совсем не такой, каким я видел его вечером.

Лысый, худощавый, не слишком высокий, но есть что-то еще, какая-то характерная черта. Прямой нос, большой рот с тонкими губами, коротко остриженные черные волосы, венцом окружающие лысину, заходящие за уши; несколько прядей зачесаны поверх блестящего черепа.

Кожа, мгновенно соображаю я; кожа лица — вот что необычно, характерно. Гладкая, розовая, почти без морщин, упругая, как у ребенка. Вечером, в темноте, я этого не заметил.

Он поворачивается вместе с адвокатом, коснувшись подбородком правого плеча, а локоть положив на спинку кресла. Глаза у него голубые, как и у юриста.

Комиссар полиции встает, делает круговое движение пальцем, которое может означать все, что угодно.

— Ромео, что это за история с расследованием?

Сердце у меня бьется. Лицо противно горит, я весь покрываюсь потом. Оглядываюсь в поисках кресла, потому что и голова, кажется мне, вот-вот закружится.

— Комиссару нехорошо, — бормочет инженер.

Голос у него мягкий, без акцента, немного гнусавый.

— Нет, я здоров, спасибо, — говорю я и все же сажусь на диванчик под картиной местного художника, изображающей снятие с креста: распростертый Христос и обнимающая его Богородица.

Я бы и сам охотно распростерся, но главный комиссар полиции смотрит на меня и повторяет то самое круговое движение пальцем, совершенно невразумительное.

— Инженер Веласко пришел сюда со своим юристом, адвокатом Фольей, принести жалобу на то, что в отношении его проводится расследование в связи с убийством девушки из Павульо. Так вот, я хочу знать, имеет ли место таковое расследование, по какому праву оно проводится и почему меня об этом не поставили в известность.

На последних словах он повышает голос, а круговое движение пальца приобретает определенность. Мне необходимо вытереть пот со лба, но я боюсь показаться более смущенным и выбитым из колеи, чем это есть на самом деле, и только сглатываю, чтобы справиться с одышкой.

— Никакого расследования в отношении кого бы то ни было не проводится. Проводится обычная процедура сбора данных по поводу... по поводу некоторых деталей, выявившихся в ходе... в ходе следствия, и эти детали пока еще столь неопределенны, что...

Адвокат прерывает меня тем же круговым движением пальца, что и главный комиссар полиции, но не столь определенным, едва намеченным, не доведенным до совершенства, как скверная копия.

— Мы не получили никакого уведомления, нам никто не гарантировал наших прав. Если по поводу моего клиента проводится расследование, вы обязаны...

— Нет-нет, никакого расследования. Повторяю: сбор оперативной информации, в самом широком спектре... Обычная следовательская рутина, ничего больше.

— Но имя моего клиента прозвучало? По поводу него была собрана какая-то информация? В таком случае вы обязаны...

Пот капает с ресниц, щиплет глаза, приходится прикрыть веки. Я уже без всякого стеснения вытираю лоб, мотаю головой, и в окрашенной багровым темноте сомкнутых век слышу тихий, чуть гнусавый голос инженера.

— Видите ли, я бы хотел самую малость уточнить суть вопроса. В мои намерения вовсе не входит полемизировать с кем бы то ни было, тем более с органами полиции. Напротив, узнав, что мое имя каким-то образом связано с нарушениями правопорядка, я добровольно явился к вам, готовый к любому сотрудничеству.

Он, инженер, говорит сдержанно, кратко, словно кивает с каждой фразой.

Я открываю глаза и вижу его улыбку, ободряющую, снисходительную.

Спрашиваю:

— Можно осведомиться, каким образом вы узнали о расследовании, которое я провожу... то есть мог бы проводить?

— Из непосредственного источника, — заявляет адвокат. — И достоверного, в чем я сам вам поручаюсь. Я находился во дворе суда этим утром и услышал, как вы произнесли имя моего клиента в разговоре с заместителем прокурора Ландзарини.

Искоса взглядываю на главного комиссара полиции, который свирепо взирает на меня. Жду, что он снова начнет крутить пальцем, но никто не двигается и не произносит ни слова.

Прислоняюсь затылком к спинке дивана; рубашка, насквозь промокшая, липнет к плечам. Сердце бьется все чаще и чаще.

Мне в самом деле нехорошо.

— Не сомневаюсь, — произносит инженер после нескольких секунд тягостного молчания, — что дело закончится к всеобщему удовлетворению и недоразумение разъяснится. Я верю, что наша полиция не пожалеет сил, чтобы раскрыть убийство несчастной девушки. Что до меня, то я всегда пребываю в полном вашем распоряжении и готов оказать посильную помощь, хотя, по правде говоря, в данный момент не представляю,

в чем она могла бы выразиться.

Смотрит, улыбаясь, на главного комиссара полиции, который кивает с серьезным видом. Адвокат кивает тоже, потом они с инженером вместе встают и протягивают руки сначала главному комиссару полиции, потом мне.

Я отвечаю на рукопожатие не вставая, и если адвокат едва касается моей руки кончиками пальцев, то инженер жмет крепко, выворачивая ладонь.

— И все-таки вам нехорошо, — шепчет он, слегка кланяясь, оставляя после себя легкий, быстро исчезающий аромат мятного крема после бритья, которому не перебить кислый запах моего пота.

Как только эти двое уходят, главный комиссар полиции, пыхтя, садится на свое место.

— Ах, Ромео, Ромео, это надо же додуматься! Орать о результатах следствия во дворе, во всеуслышание! А ведь вы не мальчик, возглавляете оперативную группу с тех самых пор, как заместитель главного комиссара полиции занял свою должность... Вы — способный служащий... Какой у вас стаж?

— Одиннадцать лет.

— Ну вот, поздравляю! А проводится ли в самом деле это расследование? Введите меня в курс дела, ибо я блуждаю в потемках, мне ничего не известно...

Я даю краткую справку. В самом деле, с тех пор, как его назначили в Модену, главный комиссар полиции ни разу не занимался уголовными делами, оставляя их на откуп городским властям. Мне — тяготы представительства, ему — честь и слава поимки преступников...

Я заканчиваю рассказ, и он какое-то время молчит, почесывая подбородок: на лице у него такое растерянное выражение, что уголки рта, кажется, подпрыгивают прямо к крыльям носа.

— Вы уверены? Вам не кажется, что вы несколько перегибаете палку с этим вашим монстром-маньяком? Послушайте, что-то я сомневаюсь, чтобы инженер был к этому причастен. Да, вот именно, инженер... Вы хоть знаете, кто такой инженер Веласко?

Я качаю головой. Нет, не знаю... во всяком случае в том смысле, какой предполагается сейчас.

— Он — уполномоченный представитель фирмы «Презенти & Презенти», это, наверное, даже вам известно; депутат парламента от... Господи боже мой, это, конечно, не имеет значения, но хочется думать, что инженер, без всякого принуждения, по доброй воле явившийся предложить сотрудничество, едва услышав о подозрениях на свой счет, не может быть маньяком-убийцей. И потом, простите, какие меры вы собираетесь предпринять? Допросы, расследования, прослушивание телефона...

— Постоянная слежка...

— Вот-вот, прекрасно... Может быть, двадцать четыре часа в сутки. И что это означает? Четыре смены по шесть часов, восемь человек по скользящему графику... даже десять, потому что те двое, которые дежурят ночью, на следующий день отдыхают. Целое оперативное подразделение. И если добропорядочного гражданина ограбят на глазах у всех и он позвонит по номеру «один-один-три», мы никого не сможем к нему выслать, потому что все будут заняты розысками маньяка, убивающего наркоманок...

Комиссар полиции воздевает руки, потом вдруг отдергивает их, словно обжегшись.

— И вот что: не придавайте моим словам значения, какого я в них не вкладывал. Ради бога, я вовсе не говорю, что нужно все бросить, я только хочу сказать, что на данный момент

недостаточно оснований, чтобы предпринимать расследование, требующее так много людей и средств. Покопайте среди торговцев наркотиками... Эта версия мне кажется более убедительной. Но я не собираюсь вам ничего навязывать. Каждому свое. Мне — тяготы представительства, вам — честь и слава поимки преступников.

Когда напряжение становится невыносимым, я обычно насвистываю что-нибудь из Майлса Дэвиса.

Ставлю пластинку на проигрыватель в кабинете, возле окна, усаживаюсь в кресло, закуриваю сигарету и начинаю тихо насвистывать, вторя трубе.

Особенно мне нравится «Ascenseur pour l'échafaud»,^[1] медленное начало этой вещи мне напоминает фильм с Жанной Моро.

Мне было лет четырнадцать, когда я посмотрел этот фильм по телевизору; думаю, благодаря инспекторам из «черных» французских детективов я и решил в конце концов стать полицейским. Несмотря ни на что. Несмотря на «Сиддхартху» и макробиотику. Несмотря на скверную игру на контрабасе в группе «Относительный абсолют». Несмотря на отказ от воинской службы, который у меня не приняли. Несмотря на то что я умел сворачивать «косяки» одной рукой. Несмотря на утопию. На Патти Смит, Графиню и Скьянтосов. На семьдесят седьмой год. На смерть Ларуссо и полицейские дубинки, измолотившие демонстрантов в следующем году. На листовки перед юридическим факультетом и Лауру в теплой куртке и красной куфии.

— Ты должен все для себя прояснить.

— Видишь ли, я хочу служить в полиции, но заниматься делами профсоюзов. После «Долины Джулии» Пазолини писал, что...

— При чем тут полиция? Ты должен все для себя прояснить.

— Хорошо, отвечу на тест в «Эспрессо», узнаю, правый я или левый.

— Иди в задницу.

— Сама иди.

Кажется, именно под «Ascenseur pour l'échafaud» я свернул свой последний «косяк», чтобы отметить вступление в должность комиссара полиции. На тест в «Эспрессо» я тоже ответил. Умеренно левый, ориентация Лучано Ламы.

Я начинаю высвистывать первые ноты *generique*,^[2] которые издает раскаленная, грустная труба: она взбирается куда-то вверх в потемках, вместе со спиралью белого дыма, который я выдуваю по направлению к свету, еще оставшемуся за окном. Я следую за мелодией, но пытаюсь забираться выше Майлса и задерживаться на каждой ноте подольше; зажмуриваюсь так крепко, что целый дождь крошечных светящихся точек начинает сверкать во тьме сомкнутых век.

Я бы так свистел и свистел, пока не выдулось бы прочь все, что накопилось.

— Господи, не мог бы ты прекратить? Мало того, что свистишь фальшиво, так еще и в такт не попадаешь.

Я открываю глаза, и свет люстры, только что включенной, ослепляет меня. Лаура стоит в дверях. Скользит по мне раздраженным взглядом; склоняет голову к плечу, вдвывая серьгу в мочку уха. Она полуодета, босиком; серая юбка от делового костюма расстегнута на боку, блузка распахнута, на загорелой коже выделяется светлая полоса кружевного лифчика.

Не говоря ни слова в ответ, я вытягиваю губы и принимаюсь свистеть еще громче: пусть ярится, пусть встряхивает светлыми, длинными, прямыми волосами, которые ей мешают

вдеть серьгу. Поднимаю палец, показывая на люстру, но она разворачивается и уходит, оставляя свет включенным. Через минуту возвращается, уже в застегнутой блузке; держась рукой за дверь и поставив ступню на колено, надевает туфлю. Я прекращаю свистеть, потому что пересохли губы, и свист переходит в глухое, режущее слух шипение.

— Ты был у врача? — спрашивает она, но я не отвечаю.

— Ты куда-то уходишь? — спрашиваю я, но она не отвечает.

Надевает вторую туфлю, поправляет ее на пятке, исчезает за порогом. Я снова принимаюсь свистеть, прислушиваясь к тому, как стучат ее каблуки, удаляясь по коридору, как решительно хлопает дверь.

Свет так и остается включенным.

Убийца взглянул на нож, на длинное треугольное лезвие, белеющее в лунном свете; взглянул на куст, за который цеплялся, и, улыбаясь, подумал: «Ни дать ни взять кадр из фильма „Сияние“!»^[3]

И тогда он, подражая Джеку Николсону, выкатил глаза, выставил зубы в жутком оскале и загудел «Уиинди», затем расхохотался. В сосновом лесу было темно, но убийце казалось, будто он видит превосходно, даже здесь, среди зарослей ежевики; к тому же он слышал шаги, явственный шорох сосновых иголок под матерчатой тапочкой девушки, одной-единственной тапочкой, потому что другая осталась в машине, и сейчас он сжимал ее в руках.

— Если бы только ты была самую малость покладистее, — произнес он, обращаясь к скрывающей горизонт чаще леса, сквозь которую лишь кое-где виднелось погруженное в темноту море, — ты бы вышла оттуда и предоставила мне свободу действий. Так бы мы оба сэкономили массу времени.

Он вслушивался, не донесется ли шорох, вздох, рыдание, — и вот пожалуйста, долгожданный звук, сразу за лесом, у деревянной стены какой-то хижины, прорезающей поле обзора четкой горизонталью. Он посмотрел на матерчатую спортивную тапочку и вспомнил, как эта жалкая обувка осталась у него в руках, когда он бросился плашмя на сиденье, пытаясь схватить девчонку, а та выскользнула из машины, и задался вопросом, каким же это образом она умудрилась разглядеть нож. Пожал плечами, бросил тапочку в бревенчатый сруб и ринулся в чащу еще до того, как услышал глухой удар резины о дерево. Девушка наткнулась на него со всего размаха, на бегу, столкнулась грудью и, наверное, опрокинула бы его, если бы убийца не успел остановить ее ударом в лицо и толкнуть со всей силы к стене хижины. Девушка стукнулась спиной о бревно, и тогда убийца всадил ей нож в живот, царапая лицо ногтями, а почувствовав, как язык вываливается из разбитых губ прямо ему в ладонь, издал хрипкое рычание, разинул рот и впился зубами в горло своей жертве.

Я провел бессонную ночь среди простыней, влажных от пота, липких, как промокшие полотенца. Смятая льняная наволочка так натерла под ухом, что болела вся шея.

От валиума, прописанного Бонетти, голова будто набита ватой. Ноги как свинцовые. Первая сигарета еще в постели, вторая в сортире, на унитазе. Желудок не принимает даже рогалики от Бальфио.

На работе — запасная пачка в ящике письменного стола, рядом с пистолетом. Уже пустая.

— Одна — в Каттолике, три — в Римини, одна — в Фаэнце, четыре между Болоньей и Моденой, и еще...

Лорис поднимает очки, прищуривается, то задирает, то опускает голову, вглядываясь в листок бумаги. Бормочет про себя: «Вот черт, мальчишка раскокал хорошие очки», — потом стучит ногтем по бумаге и придвигает листок ко мне.

— Одним словом, то здесь, то там по всей виа Эмилии. Должен сказать, когда вы, комиссар, положили этот запрос мне на стол, я, честное слово, подумал, что у вас с головой не в порядке. Все нераскрытые убийства в Эмилии-Романье с тысяча девятьсот восьмидесятого года и по сегодняшней день... Шутка сказать. Да еще выделить молодых девушек, предположительно наркоманок и проституток с необычными кровоподтеками на теле! Мне пришлось обзвонить все комиссариаты, все казармы карабинеров, заставить людей копаться в рапортах, зачитывать мне выдержки... Мы ведь не в Америке, там поколдуешь немного за компьютером, нажмешь на клавишу — вжик, и готово!

Грация поднимает руку, изображает ножницы двумя пальцами. Лорис кивает с обиженным видом, таращит близорукие глаза.

— Ну ладно, ладно... короче так короче.... Тогда, комиссар, держитесь: знаете, сколько их всего? Двадцать две.

— Вот дерьмо, — бормочет Грация.

Я про себя думаю то же самое. По шее пробегает судорога, мышечный спазм, голова запрокидывается, я стучаюсь затылком о стену, так больно, что ломит виски. Исподтишка окидываю взглядом присутствующих, кажется, никто ничего не заметил.

— Так-то вот, — продолжает Лорис, — дело пахнет скандалом... Самые дальние — в Анконе и Пьяченце, первый случай — в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Девятнадцать лет, маленькая, беленькая, наркоманка; перерезано горло и дико искусан живот, настолько дико, что командир поста карабинеров в том местечке, где ее нашли, до сих пор уверен, как он мне сказал, что девушку загрызли собаки. В местечке заговорили о волке-оборотне. Я попросил от вашего имени, чтобы нам сюда прислали все рапорты и фотографии; рано или поздно мы их получим. Я что-то сделал не так?

— Ты все сделал абсолютно правильно, — говорю я, — а теперь помалкивай, никому не говори об этой истории.

Лорис прикладывает скрещенные пальцы к губам, быстро целует их два раза.

— Чтоб мне помереть, доктор. Вам виднее, когда нанести удар. А скандал-то выйдет нешуточный... Серийный убийца в Эмилии-Романье, стране Ламбруско! Хотя на самом деле, если подумать, этот наш регион можно рассматривать как один огромный город, который тянется от Реджо до Каттолики... вроде Лос-Анджелеса: несколько миллионов жителей, обширнейшая площадь, и все — на одной дороге, так сказать, on the road, виа Эмилия, которая...

Он внезапно умолкает, потому что Грация опять делает ему ножницы. Выходит из кабинета. Минутное замешательство. Тишина, звенящая, как целое поле цикад. Перед глазами все расплывается, как строки книги, когда слишком пристально вглядываешься в страницу.

Грация:

— Двадцать две... комиссар, их двадцать две. Что будем делать?

Меня передергивает.

— Двадцать два убийства, и ни единой улики, способной убедить городское управление.

Ты проследила, куда подевался сенегалец?

— Да. Семь наводок... Каждый раз, как его задерживают, он называет другое имя. Но я разослала ориентировку во все отделения полиции и во все комиссариаты, которые...

— Ага, привет, с этим можно распрощаться.

Снова растерянность. В голове звенит, будто шмель пролетает от уха к уху. Грация что-то спрашивает у меня, но я не слышу.

— Как будем проводить расследование?

Жадный, внимательный, доверчивый взгляд черных глаз. У меня тоскливо сосет под ложечкой. Никакого опыта в подобных делах. Потом появляется мысль.

— Найди-ка мне один номер в справочнике. Мы с тобой поедем обедать в «Апеннины». Говорят, там такая ветчина...

Церковный двор выложен камнем; зажатый между автострадой и парапетом, выходящим на откос, он своими изгибами напоминает линию позвоночника.

У входа во двор — часовня, давно закрытая, к которой ведет каменная лестница с выщербленными ступенями, а в его конце — обветшавшая, с кирпичами, торчащими из-под облупившейся штукатурки, с оконными ставнями, скрепленными проволокой, стоит недействующая церквушка.

— В этих краях сильна власть дьявола, — сказал нам профессор, как только мы прибыли на маленькую площадь, где была назначена встреча, и с тех пор у меня появилось странное ощущение, будто кто-то пристально смотрит мне в спину. А сейчас, когда мы сидим в траттории, под навесом из виноградных лоз, и над нами нависает приземистая башня, испещренная ликами безносых демонов с козлиными рогами, это тягостное, леденящее ощущение усиливается.

Профессор Дель Гатто держит Грацию за руку и рассказывает ей историю башни, которую построил в девятнадцатом веке один антиклерикал, а потом епископ обязал его отбить носы у всех каменных демонов. Грация улыбается, но, подобно мне, изнывает от нетерпения: достаточно посмотреть, как она вертит в пальцах свой бокал.

Наверное, профессор тоже это замечает и обрывает свой рассказ.

— Дело в том, что в Италии отсутствует такое криминологическое понятие, как серийное убийство, — приступает он вдруг. — Всякое убийство, если только оно не совершено мафией, всегда рассматривается как самостоятельное, и лишь иногда возникает мысль связать его с другими. Во Флоренции мы обнаружили, что речь идет о монстреманьяке, лишь по прошествии времени и лишь на два последние убийства отреагировали должным образом, применив правильный метод расследования, так сказать, ковровый — например, потребовали, чтобы *все* дорожные контролеры в зоне записывали *все* номера *всех* машин, в которых ехал один мужчина. Поздно, слишком поздно. Ваше здоровье.

Профессор поднимает бокал, чокается с Грацией. Только отпив плоток, вспоминает обо мне и торопливо звякает дном своего бокала о край моего.

— На самом деле нельзя сказать, чтобы у нас их не было, этих монстров... Став консультантом группы по борьбе с убийцами-маньяками, я занялся сбором материала и обнаружил их в достаточном количестве, от Чезаре Сервиатти, который в тридцатые годы убил семь женщин, раскромсал их на куски и разбросал вдоль железной дороги Ла Специя — Рим, до Чианчулли, которая с тридцать девятого по сороковой год убила трех женщин, а тела их сварила в котле, как в старину делали ведьмы. В наши дни — маньяк из Больцано,

маньяк из Сан-Ремо; Абель и Фурлан, которые в Венето убивали священников, гомосексуалистов и цыган; Джанкарло Джудиче, который в Турине убил восемь проституток, потому что они были похожи на его мачеху. Ваш тоже ополчился на проституток, верно? Каков его М. О.?

— Извините?

— Его *modus operandi*...^[4] Напомните мне, что он делает с девушками?

— Кусает их. То есть не только... Он их убивает.

— Само собой разумеется. Ну а что вы, комиссар?

Бросив изумленный взгляд на Грацию, я тычу себя пальцем в грудь:

— Я? Я ничего такого не делаю...

— Да нет же, как это вы так поняли... Я хотел спросить — что вы хотите от меня, зачем приехали сюда...

— За советом.

Профессор улыбается, наливает вина себе и Грации, у которой уже пылают щеки.

— Ну, вы обратились точно по адресу. Сначала я попал пальцем в небо, представив флорентийского монстра образованным человеком, знатоком англосаксонской культуры, по меньшей мере двух метров ростом, потом увяз по самые уши, выстраивая обвинение против Паччани, а в конце концов у меня ум зашел за разум, я послал все к черту и удалился сюда. Если вам нужен *совет*, подождите, пока я допишу книгу о наших маньяках да еще найду издателя, который пожелает ее опубликовать.

Он отворачивается от меня и снова берет Грацию за руку. Придвигается к ней поближе, что-то шепчет на ухо, она смеется. Я закрываю руками лицо, вздыхаю сквозь сомкнутые пальцы. Испытываю непреодолимое желание растянуться на столе: пусть меня обдувает свежий, бодрящий ветерок, проникающий под навес.

Вот приеду домой и найду способ проснуться.

— Итак, — продолжает профессор, оставляя Грацию и поворачиваясь ко мне, — серийных убийц можно разделить на четыре категории. *Визионеры*, как Сын Сэма, который убивал потому, что так ему велела собака соседа; *миссионеры*, как Потрошитель из Йоркшира, который хотел очистить улицы от проституток; *убийцы из-за наживы*, как Ландрю, который убивал любовников ради денег; и *убийцы из сладострастия*, которые убивают, чтобы удовлетворить сексуальный порыв, во всяком случае, в поисках наслаждения... Я намеренно не употребляю научной терминологии, чтобы все меня понимали, комиссар. К какому разряду принадлежит ваш?

— Не знаю. Думаю, к последнему, хотя с убитыми девушками он никогда не...

— Это не важно... У Сильвестра Матюшки в Венгрии, в тридцатые годы, эякуляция происходила только при виде железнодорожной катастрофы, и он нарочно устраивал их... Сделаем так: поскольку вам удалось меня заинтересовать, пошлите мне все документы по делу. Может быть, они мне пригодятся для моей книги. В любом случае я, как профессионал, смогу высказать свою точку зрения, только опираясь на конкретный материал. А пока, если вам нужен совет, могу сказать вот что: у всех серийных убийц с точки зрения следственной практики есть два слабых места. Первое — как избавляться от трупов, но перед вашим, я понял, эта проблема не стоит, он просто выбрасывает трупы на дорогу. Верно?

— Верно. А второе?

— Второе — это *чувство вины*. Рано или поздно любой убийца со всей неизбежностью

стремится к тому, чтобы его поймали, и совершает, более или менее сознательно, ряд ошибок. Уильям Хейренс даже написал на стене дома, в котором убил женщину: «Ради бога, остановите меня». Пересмотрите все случаи, поищите оплошности. Найдите *чувство вины*, комиссар, и вы поймаете вашего убийцу.

Полицейское управление по месту рождения, полицейское управление по месту проживания, полицейское Управление, ведущее дело об убийстве.

Факсы, фонограммы, обычная почта — и фотографии девушек, при жизни и после смерти, разбросанные по моему письменному столу.

Рапорты, которые нужно прочесть, сопоставить, сверить.

Выдержка из свидетельских показаний Риччи Джино, место рождения Пьяченца тридцать два года: «Помню, я видел, как примерно в половине четвертого Луиза выходила из машины темного цвета...» Никакой зацепки.

Отчет патрульной машины номер три: «В пять часов Центральная направила нижеподписавшегося на улицу Томмазини, к дому 11...» Никакой зацепки.

Рамбелли Паола, называемая Паолиной, родинка на левой щеке, различимая на фотографии с удостоверения личности; шестнадцать ударов в живот осколком стекла. Родилась в Бари 22.07.1974, полицейское управление по месту рождения: Бари. Не привлекалась, не проходила. Полицейское управление по месту проживания: Анкона. Начальник оперативной группы: «Мы было подумали на жениха, у него не все дома, но парень находился в общежитии, и пришлось переключиться на...»

В полдень спускаюсь в буфет выпить кофе. Таблетки, которые я принимаю, чтобы ослабить действие валиума, совершенно отбивают аппетит. Прошу, чтобы мне налили кофе в термос.

В четыре часа звонит профессор:

— Ваш Волк-оборотень принадлежит к разряду *сознательно импульсивных*, которые вместо того, чтобы отторгать от себя пагубное наваждение, принимают его как должное, доводят до совершенства. Воля в нем не утрачивает своей функции высшей контролирующей силы; наоборот, соединяясь с болезненными, извращенными психическими процессами, подчиняет все прочие способности единой цели: осуществить желаемое наилучшим образом, исчерпать действие до конца. Но слабое место остается тем же самым: чувство вины. Ищите его.

Ранди Марина, удушение, кровоподтеки на обеих руках.

Никакой зацепки.

Берти Джованна, перелом шейных позвонков и укусы вдоль всей спины.

Никакой зацепки.

Фосенни Мануэла, удар бутылкой по голове.

Минералка Перони, Голубая Ленга.

Никакой зацепки.

Я остро чувствую свое бессилие, хочется послать все к черту.

Взгляд Спаццали Моники устремлен на меня: подбородок спрятан в ладонях, в уголках рта — лукавые складки. От внезапного спазма руки у меня так дергаются, что кофе проливается на пол.

Грация, в дверях:

— Пустой номер, комиссар. Во всем городе только в одной прачечной вспомнили, как стирали одежду с подозрительными пятнами крови, но то был детский передничек, из приюта...

Донесения оперативной группы копятя на полу за письменным столом.

Главный комиссар полиции, по телефону:

— Мне сказали, что отчет об ограблении, произошедшем в пятницу, еще не готов...

Ромео, чем вы заняты целыми днями?

На минуту забегаю к Бонетти.

— Ты почему не приходил вчера?

— Был занят.

— Молодец, продолжай дальше в том же духе, рискуй своей шкурой, пожалуйста. Сдается мне, что возможность излечиться тебя даже пугает...

Грация, в дверях:

— Пустой номер, комиссар. Ночной сторож помнит, что какая-то машина припарковалась за складом, но номер не разглядел...

По ночам — валиум, чтобы тарашиться в потолок туманным взором.

По утрам — стимуляторы, чтобы проснуться.

В зеркале — незнакомое лицо.

Галли Марианджеле удалось вскарабкаться по откосу на железнодорожные пути, и все-таки он ее настиг, схватил за волосы (отчет патологоанатома: повреждения волосяного покрова затылочной части). Заломил руку за спину (вывих ключицы и смещение лучевой кости), потом разбил ей голову о рельсы (множественные переломы носа и скуловой кости, лобная кость вдавлена). Никакой зацепки.

Грация, в дверях:

— Пустой номер, комиссар...

Фумагалли Антониетта.

Никакой зацепки.

Ралли Джованна.

Никакой зацепки.

Рита.

Никакой зацепки.

Франческа.

Никакой зацепки.

Маринелла.

Никакой зацепки.

В субботу, поздно вечером, я сжимаю в кулаке пустую пачку из-под сигарет, тру глаза

ладонями и в тишине почти пустого комиссариата испускаю истошный вопль во всю силу легких. Постовой распахивает дверь, хватаясь за кобуру пистолета.

— Боже мой, комиссар, что случилось?

— Ничего. Рылся в ящике, защемил палец.

— Наверно, было чертовски больно, раз вы так заорали... С вами точно все в порядке? Уже поздно, комиссар, почти одиннадцать... Может, вам лучше пойти домой?

Я еду домой. Припарковываю машину поодаль и, сунув руки в карманы, двигаюсь по тротуару еле-еле, на негнущихся ногах, так широко раскрыв глаза, как будто кто-то раздвинул мне веки.

Прохожу под фонарями — мелькают, сменяя друг друга, конусы тени и пирамиды света.

Я так пристально вглядываюсь в асфальт, расстилающийся впереди, что больше ничего не вижу.

Только слышу звуки.

Визгливый рокот мопеда, сухой треск раздавленной пластмассы: уличные шумы вокруг меня.

Зато чавканье моих резиновых подошв отдается в голове с каждым шагом.

Автомобиль трогается с места, волоча за собой непрерывный скрежет пробуксовывающей передачи.

Перестук высоких каблучков в двух шагах от меня; влажно чмокают открывающиеся губы, гнусавый голос трансвестита ребячливо тянет слова:

— Что такой надутый, дядя: не можешь покакать?

Дойдя до мигающего фонаря, я опять слышу за спиной шаги, и меня пробирает дрожь. Только и всего, что скрипят кожаные туфли, неторопливо, размеренно, — но я напрягаюсь, ускоряю шаг, в два прыжка достигаю своего подъезда, одной рукой хватаюсь за дверную ручку, другой нашариваю в кармане ключи. Боюсь обернуться, сам не знаю почему.

— Что вы имеете против меня, комиссар Ромео?

Мой пистолет заперт в ящике письменного стола. Паника охватывает меня, я просовываю указательный палец в кольцо с ключами, приспособив их под кастет. Инженер делает шаг вперед, мигающий фонарь на мгновение освещает его, потом гаснет. Он одет, как в прошлый раз: в пиджаке, при галстук; синий костюм, рубашка в голубую полоску.

— Не могу взять в толк, откуда такое ожесточение. Почему вы хотите припереть меня к стене? Что я вам сделал? Что вам от меня нужно?

Я не понимаю. Мне страшно. Голос у меня садится, прерывается:

— Вы их убили. Всех. Вы не можете этого отрицать... Вы их убили.

— Нет... — Инженер мотает головой. — Нет, нет...

— У меня есть доказательства, целая уйма улик, даже свидетель... Вы не можете отрицать, тут, при мне...

Он упрямо мотает головой. Делает еще шаг вперед, озаренный желтоватой вспышкой зажегшегося на миг фонаря.

— Вы меня не поняли... Я не намерен ничего отрицать. Я сказал «нет» в смысле «нет, не отрицаю». Их убил я, это очевидно... То есть очевидно мне — и вам, разумеется.

У меня дергается плечо, и мы оба подскакиваем — я из-за спазма, он, наверное, от страха, что я сейчас на него накинусь. А я так ошеломлен, что даже думать не в силах —

только и могу стоять и тупо смотреть на него. Мне даже кажется, будто его голос доносится издали, отдаваясь в ушах протяжным эхом.

— Да-да, вот именно, комиссар: чего я никак не могу понять, ни на самую малость, так это вашего ожесточения по поводу моих действий и моей персоны. Видите ли, перед тем, как приступить к моим скромным похождениям, я проделал, если позволите, кропотливое исследование по маркетингу и обнаружил на рынке услуг нишу, абсолютно никем не занятую. Вы, несомненно, заметили, что я имею дело исключительно с наркозависимыми молодыми особами, которые время от времени промышляют проституцией, а этот социальный тип, согласитесь, представляет весьма незначительный интерес для общества. Вы можете что-то возразить?

Я молчу. Мне не выдать из себя ни звука. Пытаюсь обдумать, как бы использовать его признание, но даже это не получается. Крепче сжимаю в кулаке ключи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Думаю, вам не составило труда заметить, что я, к примеру, тщательно избегаю любых контактов с профессиональными проститутками, будь то итальянки или иностранки, ибо, помимо того, что они связаны круговой порукой, тут могли бы вмешаться какие-нибудь рэкетеры. Нет, синьор комиссар: я избрал себе абсолютно определенный, конкретный объект, в совершенстве отвечающий поставленной цели, требующий минимальных затрат как времени, так и ума и силы.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему вы их убиваете, почему?

Он пожимает плечами, улыбается почти застенчиво.

— Потому что мне так лучше. Потому что потом я себя чувствую лучше... потом. Это — способ снять стресс, а на руководящем посту, сами знаете, стресс накапливается постоянно. Вам никогда не хотелось кого-нибудь убить? Признайтесь честно, вы никогда не испытывали желания в какой-нибудь из напряженных дней свернуть кому-нибудь шею? Ну вот, а я это делаю.

Минутное колебание, напряженный взгляд в сторону улицы, по которой пронесется мопед. Снова улыбка. Мопед проехал мимо.

— Нет, комиссар Ромео, вы не так ставите вопрос: не «почему», а «почему бы нет»? Переживаете из-за моральных принципов? Мораль меняется, синьор комиссар, — новые ценности, новая конституция, новая республика, новые цели... Не хвастаясь, скажу: я управляю предприятием, равного которому нет во всей Италии. Тогда почему же я подвергаю себя риску оказаться в тюрьме? Потому что все это глупости... С тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года по сей день я убил двадцать три девицы, и меня до сих пор никто не поймал. У меня своя жизнь, у вас — своя. Я успешно руковожу передовым предприятием, а вы наживаете невроз за неврозом. Я побеждаю, вы проигрываете, и, откровенно говоря, я считаю, что мой метод самую малость лучше вашего с точки зрения продуктивности.

Молчание. Ни один из нас не произносит ни слова. Я смотрю на него невидящим взглядом, а он вперился в пустоту, задумался, время от времени улыбается, будто вспоминая что-то забавное. Не знаю, чье хриплое, учащенное дыхание отдается у меня в ушах. Думаю, мое.

— Знаете, комиссар, — произносит он вдруг, — мы с вами очень похожи...

— Нет, — шепчу я.

— О да, не спорьте. Нам обоим нравится Майлс Дэвис...

Страх. У меня дергается голова, я непроизвольно стучаюсь затылком о запертую дверь за моей спиной. Лаура.

— Ах нет, нет, минуточку... Вы так ничего и не поняли. Все мои старания сводились к тому, чтобы объяснить вам: я не зверь... Ваша супруга чувствует себя превосходно. Я разглядел пластинки, когда она открыла мне дверь, ведь я поднялся к вам в квартиру, чтобы поговорить, а потом, поскольку вас не было, предпочел подождать внизу. «Лифт на эшафот», изумительно... Generique, великолепно.

Зажмурив глаза, насвистывает несколько нот, потом говорит:

— Всего наилучшего, комиссар, будьте здоровы.

Разворачивается и уходит, но, сделав шаг, оглядывается, приложив палец к губам, с недоуменным выражением на лице.

— Единственное, — шепчет он, — единственное, чего я не могу понять, это почему я их кусаю. Кроме всего прочего, поскольку речь идет о субъектах, входящих в группу риска, это самую малость противоречит требованиям гигиены, однако же... что тут скажешь... а, ладно.

Повернувшись ко мне спиной, он машет рукой на прощание, а меня охватывает неодолимый, какой-то утробный ужас, что сейчас я начну насвистывать тот же самый мотив. Мой мотив. Он исчезает в темноте улицы, за фонарями. Я стою неподвижно, провожая его взглядом, и только через какое-то время вынув руку из кармана, обнаруживаю, что порезал пальцы о кольцо с ключами и вся ладонь у меня в крови.

Голос профессора в телефонной трубке, после целой минуты гудков. Низкий, осипший со сна.

— Кто это?

— Алло, профессор? Это комиссар Ромео...

— Комиссар... Ах да. То есть Ромео, вы знаете, который час? По меньшей мере...

— Чувство вины у маньяка, профессор. У Волка-оборотня, помните?

— Ммм... да, помню. И что? Вы меня будите среди ночи, чтобы сказать, что вы его поймали, Ромео?

— Нет, я его не поймал, профессор. Я бужу вас посреди ночи, чтобы сказать, что мы его никогда не поймаем. Потому что у этого гада, у Волка-оборотня, нет никакого чувства вины... ни малейшего.

— Ты почему смеешься?

— Я смеюсь? Ничего подобного...

— Смеешься-смеешься... усмехаешься в усы, хотя у тебя и нет усов. Что-то смешное по телевизору? Дай посмотреть...

Вероника уселась на ручку кресла, положила локоть ему на плечо, чтобы удерживать равновесие, и слегка откинула голову, как делала всегда, если что-то ее интересовало. На экране девушки из «Это — не RAI»^[5] плясали на краю бассейна и Амбра что-то чирикала в микрофон с истерическим хохотом, переходящим в рыдание.

— Тебе не кажется, что ты уже слишком стар, чтобы пялиться на девчонок?

Он склонил голову, поцеловал торчащий локоть, вдыхая аромат ее духов.

— Мы спонсируем эту программу, вот я и решил посмотреть, что там показывают: кажется, все это самую малость нецелесообразно... Ты куда-то уходишь?

— Отвезешь завтра детишек в школу? Я договорилась с косметологом, а до этого хотела зайти к Марте выпить кофе... как-то не хочется все на бегу...

— Зачем тебе косметолог? Ты и так очень красивая...

— Боже, как мне повезло... Мой муж через одиннадцать лет после свадьбы мне делает комплименты.

Вероника протянула руку, погладила коротко остриженные волосы на затылке. Снова аромат ее духов, невесомый, легкий, но настойчивый.

— Ты куда-то уходишь? — повторил он.

— Так что, мы договорились на завтра насчет детишек? Элеонора не должна опаздывать, у нее контрольная в классе, и аккуратнее с Луиджино: температура прошла, но мальчик еще не окреп... Все, целую.

Вероника подставила ему губы, надавив локтем на плечо, но тотчас же отвернулась легко вскочила: сказались недели занятий аэробикой.

— Я поеду на «вольво», — быстро проговорила она, поправляя шуришащую юбку-стрейч на темных нейлоновых колготках.

Он проследил, как жена выходит из комнаты, и снова уставился в телевизор.

А там крупным планом, во весь экран, показывали лицо белокурой девушки с неяркими веснушками на носу: запустив пальцы в густые волосы, она мечтательно смотрела вдаль.

Он опять усмехнулся в усы.

Судя по тому, как на меня смотрят из соседней машины, остановившейся на красный свет, я, должно быть, говорил сам с собой. Я прищелкиваю пальцами, качаю головой в такт, будто подпеваю песенке, которую передают по радио, но те, из соседней машины, еще пуще выкатывают глаза, и едва зажигается зеленый свет, как я газую на перекресток, мчусь по улице, ведущей к дому Грации.

Бегу стремглав вверх по лестнице, с тяжелой одышкой заядлого курильщика; замираю перед дверью, глотая ртом воздух и держась за селезенку. Жму на звонок под надписью «Негро Г.», сделанной от руки на пластиковой карточке; слышу пронзительное «динь-дон» с каким-то слащавым подвыванием, отдающееся в тишине лестничной клетки. Никто не торопится открывать.

А если ее нет дома? Не помню, звонил ли я перед тем, как ехать. Не помню, который час. Какой день недели.

— Комиссар... в чем дело... вы здесь?

Грация в мужской пижаме, длинная рубаша на пуговицах. Припухшие веки, растрепанные, сбившиеся волосы, след, оставленный на щеке подушкой, — видимо, она спала. Сейчас ночь? Смотрю на часы: нет, пять часов вечера.

Грация закрывает глаза, слегка покачивается, опираясь о дверной косяк, поставив босую ступню на колено, обтянутое застиранными пижамными штанами. Мычит спросонья:

— Ммм... проходите, комиссар, не устраивайте сквозняк. Извините за беспорядок, — добавляет она и захлопывает за мною дверь.

Я вхожу, и сон горячей, нежной волной накатывает на меня, обволакивает в смутной полутьме знакомым, приятным запахом смятых простыней, теплого пота и застоявшегося, неподвижного, сладостно тяжелого воздуха за закрытыми ставнями. Посередине

единственной комнаты в маленькой квартирке, где живет ассистент Негро, стоит диван-кровать, и я делаю над собой усилие, чтобы не забиться сразу же в ямку, оставленную ее телом, не свернуться калачиком в этом уютном гнездышке.

Грация снует по комнате, заталкивает под кровать пару белых носков, обувает матерчатые тапки, поддевая их большим пальцем ноги и переворачивая; снимает джинсы со спинки стула, на лету подхватывая скомканные трусики, выскальзывающие из-под них.

— Извините за беспорядок... — повторяет она смущенно и застегивает верхнюю пуговицу на пижамной рубашке, но круглая ключица все равно видна, потому что рубашка ей велика.

— Нет, это я должен извиниться, я и не думал, что в такой час... У тебя было ночное дежурство? Мне казалось, что...

Грация мотает головой, шмыгает носом, лепечет спросонья:

— Нет-нет, просто сегодня воскресенье, у меня нет никаких дел, а когда мне нечего делать, я ложусь в постель. Знаете, люблю поспать...

Вздергивает плечи, обхватывает себя руками, заключает сама себя в объятия. Сокрушительное желание забраться под одеяло вместе с ней, уснуть, прижавшись к горячему телу, провалиться в забытие в ее нежных объятиях буквально валит меня с ног. Я бессильно опускаюсь на стул.

— Давайте открою окно...

— Не надо...

— Мне лучше так, если вам не мешает. Когда я просыпаюсь при ярком свете, у меня болит голова. Вы хотели мне что-то сказать?

— Да, хотел, но не помню что. — Такое ощущение, что мой мозг медленно распадается на куски, будто после бесшумного взрыва.

— Вы здоровы, комиссар?

— Не совсем...

— Хотите что-нибудь выпить? Выбор у меня небольшой, однако...

— Нет...

Грация смотрит на меня, складывая губы в детскую гримаску — то ли дуетса, то ли напугана, то ли просто недоумевает, — и смотрит на меня, смотрит, не сводит глаз. Сидит на краю постели, выпрямившись, положив руки на колени, задрав голову, — и смотрит на меня. Пижама обвисла на плечах, рукава закатаны, штанины подпернулись аж до колен.

Глаза распахнуты в полумгле, ресницы время от времени опускаются и поднимаются.

Смотрит на меня.

— Можно, я лягу с тобой? — спрашиваю я.

— Конечно...

Я подхожу, кладу ей руки на плечи, заваливаю на постель. На какое-то мгновение Грация застывает, уткнувшись локтями в матрас, и это сопротивление меня расхолаживает: нависая над ней, я кажусь себе смешным в этой шаткой и неверной позиции. Но мгновение проходит, Грация протягивает ко мне руки, откидывается назад, обнимает меня, шелестя хранящей тепло тела пижамой; увлекает вниз за собой. Нахожу губами ее гладкую шею, влажный, полуоткрытый рот, язык, сплетающийся с моим. Ее колено скользит по моему бедру, руки теребят волосы на затылке, вынимают рубашку из штанов, закатывают выше. Щекочут спину, шарят под ребрами. Кладут мои руки на холмики груди под пижамой. Грация, не прерывая поцелуя, извивается, сбрасывает с себя штаны, и я, застыв в неудобной

позе, в шатком равновесии, бьюсь с пряжкой ремня.

Когда она припадает ко мне, влажная, кипящая страстью, меня на какой-то миг охватывает панический страх: я слишком устал, слишком рассеян, слишком напряжен... потом она выгибается, обхватывает мои бока голыми ногами и выпускает меня.

Я кончаю почти тотчас же, с судорожным стоном, а потом будто бы плаваю в воздухе, в пустоте, легкий, неподвижный, с абсолютно ясным рассудком.

— Ромео? Ты спишь?

Грация переворачивается на спину, поднимает ногу и нежно касается моего бедра кончиком стопы. Я встряхиваю головой, с хрустом размыкая пальцы рук, на которых покоился мой затылок. Уже почти стемнело.

— Я, наверное, опять задремала, — бормочет она. Потягивается, обнимает меня, гладит за ухом. — Иногда по воскресеньям я встаю уже ближе к вечеру, даже пообедать не успеваю, просто никак не проснуться.

— Счастливая... а я вот никогда не сплю.

— И что же ты делал сейчас, если не спал? Пялился в потолок или смотрел на меня?

— Думал.

— Думал? Обо мне?

Я ей лгу. Сам не знаю зачем. Нужно все для себя прояснить.

— О тебе, конечно. А также о том, что хотел тебе сказать, когда шел сюда. Я теперь вспомнил.

Грация приподнимается на локте, поворачивается ко мне. Пижаменная рубашка распахивается, я вижу ее круглые груди, темные соски. Она улыбается, поймав мой взгляд.

— Вчера вечером инженер сказал мне одну вещь...

— Инженер? Ты вчера вечером виделся с инженером?

— Да, он ждал меня у дома, хотел поговорить.

— Господи Иисусе... И что же он тебе сказал?

— Что это был он... что он убил их всех и получил массу удовольствия. И что мы его никогда не поймает. Все это наедине, практически тайком, без свидетелей.

Лицо Грации — неясное пятно, я вижу лишь, как гаснут в полутьме блестящие точки глаз, скрываясь под опущенными ресницами.

— Я бы на твоём месте застрелила его, — заявляет Грация.

— У меня не было пистолета.

— Тогда задушила бы голыми руками.

Ее пальцы сжимают мое горло, несильно, ласково. Она смеется, гладит мои небритые щеки, но останавливается, когда от спазма, первого за это воскресенье, у меня дергается рука. Грация прижимается ко мне, обнимает, кладет голову на грудь. Сегодня она кажется совсем не такой, как обычно. Мне вдруг приходит в голову, что мы уже столько времени работаем вместе, а я почти ничего не знаю об ассистенте Негро. Не знаю даже, сколько ей лет.

— Послушай, Грация... сколько тебе лет?

— Двадцать два, — отвечает она без запинки, поднимает голову, упираясь подбородком мне в ключицу, и смотрит на меня, догадываясь, что я высчитываю нашу возрастную разницу. Пятнадцать лет. Я начинаю ощущать тяжесть ее тела, ноет ключица, в которую она уперлась.

Сам не знаю.

Нужно все для себя прояснить.

— Давай говори, что ты вспомнил, — переходит она к делу.

— Да так, после вчерашнего вечера я вдруг засомневался... Инженер заявил, что с тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года и по сей день он убил двадцать три девушки. Их и есть двадцать три, вместе со Спаццали Моникой. Но мне кажется, что у нас значитесь другая дата, когда обнаружили первый труп.

— Тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Лорис сказал, что первую наркоманку обнаружили в тысяча девятьсот восемьдесят девятом.

— Тогда здесь какая-то неувязка...

— Ты ведь мог бы пойти в отдел и все проверить?

Ключица ужасно болит, особенно когда Грация говорит и челюсть ее двигается.

— Конечно мог бы, у меня есть ключи.

— Но ты пришел сюда, ко мне. Послушай, я думаю, это не случайно. Может быть, сам того не желая, но ты пришел ко мне. Я об этом мечтала с первого дня моей работы в оперативной группе, с той минуты, когда впервые увидела тебя. Господи Иисусе, ты не представляешь, как я этого ждала...

Я беру ее лицо обеими руками, приподнимаю ей голову, потому что мне в самом деле очень больно, а она прижимает мои пальцы к своим щекам и целует меня в грудь. Скользит ко мне, подбирается к губам, но вместо поцелуя кладет голову на подушку рядом со мной.

— Я люблю тебя, — шепчет она. — А ты меня любишь?

Целует в ухо, с легким чмокающим звуком, от которого меня корбит.

— А ты меня любишь? — шепчет она снова.

Я ее обнимаю, прижимаю к себе. Молча гляжу в потолок.

— *Пятьдесят в рот и обычно, сто пятьдесят в отеле, в отдельных номерах.*

— *Ну вот что, позволь тебе заметить: сомневаюсь, чтобы в таком состоянии тебя пустили в какие-то номера...*

— *Так проваливай и пощи другую.*

— *Нет-нет, помилосердствуй... ты прекрасно подходишь. Ты как раз, если так можно выразиться, мой объект... пятьдесят так пятьдесят. Знаешь ли ты какое-нибудь уединенное место, может быть, за городом?*

Мысль вот такая: если с первой жертвой Волк расправился в 1987-м, а в 1987-м не было зафиксировано ни одного убийства наркозависимой проститутки, значит, первой жертвой была не наркозависимая проститутка. Профессор подтверждает по телефону: да, первое убийство могло послужить толчком, а после *modus operandi* усовершенствовался.

Грация входит в кабинет, закрывает за собой дверь, бросается мне на шею, целует в губы.

— Мне кажется, все уже знают, — шутит она, усаживается на край стола, упирается коленями в подлокотник моего кресла, гладит меня по щеке. Смотрит прямо в глаза томным взором. Спрыгивает, зардевшись, когда постовой стучит в дверь.

— Фонограмма из криминальной полиции, комиссар. Перечень нераскрытых преднамеренных убийств по всему региону за 1987 год. Всего восемнадцать. Одиннадцать женщин. А если он убил ее за пределами региона? Будем надеяться, что нет.

Грация обхватывает меня сзади, кладет подбородок мне на плечо, вполголоса читает список. Она не успевает отпрянуть, когда постовой снова стучится и тут же входит.

— Я забыл принести газеты, комиссар. Извините...

Грация, ему в спину:

— Вот теперь действительно узнают все...

За час мы обзвонили все комиссариаты, занимавшиеся этими делами.

Осталось три имени: Каттани Карла, Пазини Моника и Де Катальдо Пьера. Двадцати — двадцати одного года. Исключаем Каттани, рост метр девяносто один, восемьдесят килограммов, играла в баскетбольной команде Пармы.

Внешность неподходящая.

Профессор подтверждает по телефону: да, она слишком отличается от прочих.

Пазини Моника, изнасилована и убита в Болонье, в гараже на Пиластро, когда возвращалась домой с урока commercial english.^[6] Насилие не вписывается. Это было бы в первый и в последний раз.

Профессор подтверждает по телефону: да, не вписывается, но не дергайте меня больше, пожалуйста... Соберите воедино все ваши соображения и вечером спокойно перезвоните.

Два подряд нервных спазма. Грация обнимает меня, обеспокоенная:

— Тебе когда к врачу? Ты анализы сдал? Кажется, тебе надо было идти сегодня утром?

— Нет, днем. Заодно и анализы.

Третье имя: Де Катальдо, Пьера. Студентка университета. Пропала в мае 1987 года. Сумочку, испачканную в крови, нашли в Модене, в мусорном баке. Исчезла бесследно, проводя поквартирный опрос по поводу новой АТС. Последний адрес, по которому ее видели: улица Кампителли, 29.

Меня охватывает дрожь.

Где живет инженер?

На улице Кампителли, 31, в соседнем доме.

Совпало.

Мы с Грацией уже почти у двери, когда звонит телефон. Вопли главного комиссара полиции слышны, наверное, даже на стоянке патрульных машин.

— Можно узнать, кому пришла в голову такая расчудесная идея? А, Ромео? Просмотрите срочно сегодняшнюю газету, ибо я сейчас спущусь к вам и докопаюсь, какому придурку пришла в голову эта херня!

Сегодняшняя газета.

Заголовок: «Волк-оборотень».

Внизу, петитом: *Серийный убийца на виа Эмилия.*

Каким-то образом просочившиеся неофициальные данные по этому делу в статье, полной вопросов, за подписью Карло Лукарелли. Мало конкретных сведений, мало что сказано по существу, но неприятности обеспечены.

Блиц-опровержение прокуратуры. Интервью с главой региона, который говорит о провокационных, дискредитирующих выпадах с двусмысленной политической подоплекой. Статистическая сводка от редакции, из которой явствует процентное увеличение числа убийств за последние годы.

Спазм следует за спазмом, очередями — чтобы никто не заметил, прячу руки в карманы.

Лорис извиняется:

— Кой черт мог знать, что он журналист, этот тип... Нас познакомили на вечеринке, мне его представили как криминолога, а поскольку он не врубался, то я...

В десять часов приходит факс от адвоката Фольи, адресованный в прокуратуру, копия главному комиссару полиции и начальнику оперативной группы: «...любая, подчеркиваю, любая информация, переданная в прессу и дискредитирующая моральный облик и социальный статус нашего клиента...»; следом — факс от заместителя прокурора Ландзарини, адресованный главному комиссару полиции, копия заместителю начальника оперативной группы: «...любая, подчеркиваю, любая информация, переданная в прессу в нарушение тайны следствия...»

Грация сидит, потупив взгляд, вот-вот заплачет, а главный комиссар полиции стучит кулаком по моему столу и орет мне в лицо:

— Если я еще хоть один раз, один-единственный раз услышу эту белиберду про Волка-оборотня...

Кровь была везде: на подбородке, в волосах, в ноздрях, даже в ушах.

Он загрыз ее до смерти.

Потом, откинув голову, закрыл глаза и, раздувая шею, попытался завывать, но не получилось. Его душил смех.

Я так крепко сжимаю руль, что костяшки пальцев побелели. Замечаю это только тогда, когда Грация нечаянно касается моей руки. Чувствую на себе ее пристальный, изучающий взгляд, а ее саму не вижу, уставившись в запотевшее ветровое стекло. Дом 31 по улице Кампителли, с тремя ступеньками, запертой парадной дверью, подсвеченной домофоном, то появляется, то исчезает под струями дождя, с которыми сражаются включенные «дворники».

— Вот увидишь, мы его поймем, — заявляет Грация.

Меня колотит от злости, я сжимаю челюсть с сухим щелчком, так, что проступают желваки.

— Но как? — кричу я. — Без прослушивания телефона, без обыска, без наблюдения, без наружной слежки? Да если он нас с тобой здесь заметит, то сам заявит в полицию!

Грация трогает меня за руку, ее маленькие смуглые пальцы с коротко остриженными ногтями скользят по тыльной стороне ладони, бледной, поросшей редкими волосками.

— Я кое-что придумала, — шепчет она. — А именно... Раз он ищет наркоманок лет двадцати... Мне чуть за двадцать, и если я притворюсь наркоманкой...

Я оборачиваюсь, и она продолжает, все громче и решительней:

— Да-да: я так составлю график дежурств, что смогу каждый вечер пару часов проводить на панели, и поскольку он меня не знает в лицо...

— По-твоему, если инженер увидит девицу, дефилирующую у самого его дома, он не заподозрит, что это ловушка?

— Да, я думала об этом, и вот что пришло мне в голову... На улице Кампителли одностороннее движение, нужно доехать до конца, чтобы развернуться, иначе нарушишь правила; а в конце улицы — привокзальный сквер, где вечно толкуются уличные; нигерийки, конечно, но если мы устроим подряд несколько облав, они переберутся куда-нибудь еще, и тогда я...

— Нет, нет, нет, нет... — Я мотаю головой и в то же время думаю, что, возможно,

инженер, все время проезжая мимо, рано или поздно... — Это не лезет ни в какие ворота, из этого ничего не получится, к тому же это опасно...

Грация улыбается, чуть скривив рот, и бросает на меня жесткий, почти злобный взгляд.

— Опасно для него... — шепчет она. Обнимает меня. Больно прижимает шею. — Как мило, что ты за меня боишься...

У меня возникла другая идея.

Профессор, вчера вечером, снова под башней с каменными монстрами, за бокалом красного вина:

— А куда подевалась студентка? По крайней мере с этой у него должна была возникнуть проблема сокрытия трупа, которая, если вы помните, является первым слабым местом серийного убийцы. Если чувства вины не обнаруживается, смените тактику, комиссар, и ищите тело; найдите то место, куда он запрятал студентку...

Я отпускаю руль, потому что больше не чувствую рук. Мурашки бегут по предплечьям, запястьям, пальцам...

— Ночуешь у меня?

— Да нет... Лучше не надо, лучше я пойду домой...

— Почему? Боишься сплетен? И потом — как это ты говоришь «к себе домой», когда в твоём доме живет чужая женщина?

— Ну, не знаю... Я и тебе помешаю спать...

— Этого-то я и хочу... чтобы ты не давал мне спать какое-то время... долгое время — а потом уж я постараюсь сделать так, чтобы ты заснул...

Она смеется. Я — нет. Пристально смотрю через ветровое стекло; сердце бешено бьется, желудок тоскливо сжимается. Представив, как горячее тело Грации обволакивает меня, я испытываю желание и одновременно неловкость. Почему? Я должен все для себя прояснить.

Профессор, прошлым вечером:

— Хотите совет? Хороший совет? Пошлите все к черту и займитесь своей девочкой. Это расследование стало для вас навязчивой идеей, опасной идеей: вам нужно остановиться.

— Нет, это монстра нужно остановить, это он опасен.

— Да, но вы гоняетесь за ним не ради этого. Не правосудие, не общественная безопасность подвигают вас, но уверенность в том, что вы его никогда не поймаете, а значит, сможете провести остаток жизни, не возлагая на себя никакой другой ответственности.

— Вы всегда все знаете лучше всех, правда? Меня вы тоже подвергли анализу?

— Нет. Я занимаюсь серийными убийцами. Начнете убивать, займусь и вами тоже.

— Ромео...

Я так давно вглядываюсь в ветровое стекло, что воспринимаю окружающее как неподвижную картину. На самом деле дверь открыта, и инженер, в бежевом плаще, яркой кепке, с зонтом-автоматом, стоит на ступеньках и с досадой смотрит на небо, прижимая к груди портфель, чтобы тот не вымок. Его «мерседес» припаркован прямо перед домом, и я, пока он садится в машину, завожу мотор. Следую за ним на расстоянии, стараясь не потерять из виду красные габаритные огни, сверкающие у каждого светофора сквозь капли на ветровом стекле. Грация протирает запотевшее стекло рукавом куртки, потом выскальзывает из нее, снимает с пояса кобуру пистолета, кладет между бедер, прикрывает курткой.

— Господи, — шепчет она, — вот бы он снял девицу прямо сейчас...

«Мерседес» сворачивает к вокзалу, прибавляет скорость на повороте и начинает петлять между домами. Тормозит перед девушкой, вжавшейся в стену, укрывшейся под козырьком, проезжает мимо на скорости пешехода, но не останавливается. В глубине улицы стоит еще одна, но она исчезает в парадном, когда налетает внезапный порыв дождя, сильный, неистовый, чуть ли не с градом.

Инженер остановился.

Вижу только красные стоп-огни сквозь темную пелену ливня. Сгибаюсь над рулем, почти утыкаюсь носом в ветровое стекло, но ничего не вижу. Грация открывает окошко, высовывается, но тут же втягивает обратно голову, мокрую, будто после душа.

— Он ее подцепил? — спрашиваю я. — Взял в машину?

— Не знаю... Ничего не видно! Машина, однако, стоит...

Схватившись за раму, она высовывается из машины почти по пояс, потом, отфыркиваясь, садится на место.

— Девицы не видно... По-моему, он ее снял. Внимание, должно быть, сейчас отъедет...

— Комиссар, вот неожиданная встреча!

Меня швыряет вперед, я стукаюсь головой о ветровое стекло, удар такой сильный, что из глаз брызгают слезы, боль отдается до кончиков зубов. Инженер сует голову в окошко со стороны Грации, улыбается, глядя ей прямо в лицо.

— Представляете: такой ливень, что я заблудился! А ведь живу тут неподалеку... Спросил у синьорины, как выехать на дорогу, но она не в состоянии отвечать, тогда я подошел к вам, и на тебе! Вы ведь не за мной следите, а?

Я утрачиваю дар речи. Грация натягивает футболку на подбородок, прикрывает лоб одной рукой. Другую прячет под курткой.

Проходит целая вечность.

Инженер первым нарушает молчание.

— Но, может быть, вы приехали сюда, чтобы удовлетворить потребности, более чем естественные даже для комиссара полиции, а я вам мешаю. Попробую как-нибудь выпутаться: вот увидите, рано или поздно я вернусь на дорогу. Доброй ночи, комиссар, привет супруге...

И он исчезает, растворяется в пелене дождя. Я шмыгаю носом.

— Ублюдок... кусок дерьма, сукин сын, ублюдок...

Щелчок предохранителя между ног у Грации.

— Вот увидишь, мы его поймаем. Он теперь знает меня в лицо, но я надену парик, темные очки... Будь спокоен... Вот увидишь, мы его поймаем.

Сажу в одной майке у Бонетти. Разжимаю и сжимаю кулак, рука у самого плеча перетянута жгутом. Пластиковая упаковка шприца хрустит у Бонетти в пальцах. Я дрожу как осиновый лист. Он:

— Знаю, это звучит абсурдно, но тот факт, что тебе так плохо, кажется позитивным... честное слово. Твоя болезнь для настоящей развивается слишком быстро. Нужно время, чтобы проявились все симптомы, какие есть у тебя, и это заставляет меня думать, что твои тахикардия, повышенная температура, мышечные спазмы — психосоматического происхождения. Разумеется, по большому счету это ничего не меняет. Такой невроз может быть не менее опасен.

Сильная, тягучая боль: игла входит в вену. Мне всегда нехорошо, когда я сдаю кровь. Вцепляюсь в подлокотники кресла, стараюсь думать о другом. Бонетти мне помогает.

— Слышал, ты встречаешься с какой-то девицей.

— Да, то есть нет...

— Да или нет? Ты с ней спишь?

— Какое это имеет отношение, послушай...

— Значит, да. Это у тебя серьезно? Тебе бы это пошло на пользу...

— Мне тридцать семь лет, ей двадцать два. Между нами пятнадцать лет разницы.

— Ну и что? С Лаурой вы ровесники, а у вас все пошло наперекосяк. Она тебе нравится?

— Да... то есть не знаю. Я должен все для себя прояснить.

Целый день в кадастровом бюро разглядываю план, прикидываю, как можно было вынести труп девушки из многоквартирного дома воскресным утром, может быть, пока жена и трое детей отлучились погулять. Как, в самом деле? Завернув в большой ковер из гостиной?

Может быть, позже, вечером, когда на улицах пусто.

А где он ее спрячет? В шкафу? Под кроватью? В квартире шесть комнат и два туалета, но там, кроме него, живут четверо. Жена. Трое ребятишек, которые играют повсюду. Еще гувернантка.

Записи профессора: «Джеффри Дамер разрезал своих любовниц на куски, складывал в мешки для мусора и выносил на помойку, объясняя, что это — протухший корм для кошек».

Нет. Инженер живет не один. Брызги крови на потолке в кухне, окровавленные ножи, которые нужно чистить; мешки, которые нужно где-то хранить. «Милый, что делает эта голова в микроволновке? Папа, в морозильнике рука... чья она?»

Профессор: «Джон Джордж Хейг растворял трупы своих жертв в кислоте...»

Нет. По той же причине. «Папа, растворяй поскорей синьорину, я сейчас напишу в штанишки...»

— Вам известно, что вы — первый человек, который смеется, изучая карты кадастра?

Служительница смотрит на меня, а я дергаю головой: мышцы шеи конвульсивно сжимаются. Смеюсь? Я смеюсь? Что тут смешного?

Профессор в своих записях: «Бела Кисе в Венгрии в начале двадцатого века спрятал семь трупов на чердаке...»

Нет. Единственная квартира в доме, откуда есть доступ на чердак, — это мансарда, а инженер живет на четвертом этаже, как раз посередине здания. Поэтому не подходит и последняя запись: «Безупречный гражданин Джон Реджинальд Кристи, возможно самый отвратительный из серийных убийц после садиста Вэчера, убил шесть женщин, имел сексуальные сношения с телами и закопал их в подвале».

А инженер? Как бы он доставил студентку в подвал? На лифте?

На память приходит старая песенка группы «Роллинг Стоунз» про японца, который съел свою невесту по кусочкам. Я замечаю, что снова смеюсь: кажется, начинаю уставать. Взгляд падает на примечание под планом дома.

«Ремонт перекрытий, штукатурка, покраска в соответствии с градостроительными нормами, и т. д., и т. п., проект прилагается».

Дата: май 1987 года.

Шейные позвонки у меня трещат, когда я поднимаю голову и гляжу на темные облака, мчащиеся по кобальтово-синему небу за серой чертой водосточной трубы. Ступая по мокрой траве газона, примыкающего к задней части дома, я промочил носки и теперь болезненно вздрагиваю при каждом движении. Уже половина первого, но солнце еще не показывалось.

Согласно проекту, дом с этой стороны стоял весь в лесах вплоть до самой крыши. Сейчас по фасаду цвета сырого мяса прорезаны одна, две, три, четыре, пять, шесть пар окон с желтоватыми рамами, по паре на каждый этаж. Третья пара соответствует квартире инженера. Представляю себе картину: сооружение из деревянных подмостков и вставленных одна в другую труб, подступающее к стене... нет, немного отступающее от стены, во всяком случае, на расстояние, позволяющее штукатурировать и красить...

Нахожу окна инженера, скольжу взглядом по стене до самой лужайки. Представляю себе, как тело, покрытое слоем штукатурки, сбрасывают с высоты на зеленую травку. Когда мой взгляд достигает земли, в небе громахнет гром, но я не уверен, что это мне не кажется.

Делаю шаг к стене от места предполагаемого падения, но уже и так его вижу. Подвальное окошко, вровень с землей, рядом — дверца, смазанная составом, предохраняющим от ржавчины. Опять гремит гром.

Я становлюсь на колени прямо в мокрую траву. Протягиваю руку, прикасаюсь к дверце. Рука холодеет. Слышу какой-то шорох за красноватым металлом, но, возможно, это тоже игра воображения. Толкаю.

Дверца со скрипом приоткрывается, и я вижу инженера в комнатных тапочках, в мягкой кашемировой кофте на пуговицах: он только что вынул из ящика две бутылки минеральной воды, наверное, к обеду. Наши взгляды встречаются, его глаза вначале сощуриваются, потом в изумлении широко раскрываются, полные страха, когда он понимает, что я догадался.

Под его комнатными тапочками, между четырех стен крохотного квадратного подвальчика, простирается утоптаный земляной пол.

— Ты посмотри, посмотри на этого ублюдка... мечется, как зверь в клетке.

Я вижу, как инженер подходит к окну, отдергивает занавески, приникает к стеклу, потом спускается к парадной двери, выходит на ступеньки, делает вид, будто проверяет почтовый ящик...

В четыре часа утра одно из окон на четвертом этаже все еще светилось.

— Сегодня утром он даже не пошел на работу, и это, наверное, гложет его, нашего Волка-оборотня, ведь он на многое готов ради продуктивности...

После ночного дежурства слипаются глаза, несмотря на привычку к бессоннице, полную пепельницу окурков и термос с кофе, лежащий поперек приборной доски. От стимулятора меня прошибает холодный пот. Грация только что скользнула на сиденье рядом со мной, поднимает спинку, сметает крошки бутербродов.

— Меня тоже кое-что гложет: я должна сегодня быть на службе, но, чтобы тебя сменить, сказалась больной... А если вдруг придут с проверкой и не застанут дома...

— Я же тебе сказал, что сам справлюсь.

— Ты не можешь здесь торчать по двадцать четыре часа в сутки неизвестно сколько дней. И потом, прости, пожалуйста: тебе тоже надо ходить на работу, разве нет? Что, начальнику закон не писан?

— Хватит двух дней, каких-нибудь двух дней. Два дня инженер пропустит работу — и он сломается, говорю тебе. Он закопал труп в подвале и теперь не выходит, боится, что я

туда проберусь. Но, сидя дома, взаперти, он сломается.

— А если не сломается? Если продержится неделю, две, три? Что ты тогда станешь делать?

— Возьму отпуск. Буду ждать, не сходя с этого места, хоть целый год.

У меня пересохло в горле. Язык еле ворочается во рту, натывается на зубы.

— Всего два дня, — повторяю я, брызгая слюной, — сорок восемь часов, и он сломается. И пусть себе посылает адвоката к главному комиссару... Я вовсе не слежу за ним, я наблюдаю вон за тем баром. Гляди, сколько марокканцев... представляешь, какой там оборот наркотиков?

Грация гладит меня по щеке. В лицо будто вонзается миллион булавок.

— Иди ложись. Я прослежу за подъездом, будь спокоен. Случится что-то — позвоню, и ты через десять минут уже будешь тут.

— Сейчас пойду. Еще минутку, и пойду...

Дома кружу по гостиной. Пинком загоняю туфлю Лауры под шкаф.

Ложусь одетый поверх одеяла. Обвожу взглядом контур тени на потолке, все быстрее и быстрее, словно участвую в круговом пробеге на большой приз.

Берусь за сотовый, дважды ошибаюсь номером. Наконец голос Грации:

— Да? Боже мой, Ромео... Нет, ничего не случилось, все по-прежнему, успокойся. Поспи хоть немного, пожалуйста, иначе ночью не выдержишь...

Сажусь в кресло, ставлю Майлса Дэвиса. Но губы пересохли, свистеть не получается.

Принимаю валиум. Снова ложусь, скрещиваю руки на груди, стараюсь не двигаться. Свет погашен, глаза закрыты. Как на военной службе: часовой отдыхает, но не спит.

К горлу подкатывает тошнота.

Вдруг зажигается свет. Лаура стоит в дверях, держит туфлю, пыльную, с продавленным носком.

— Ну ты и гад.

Сажусь на краю постели, голова будто набита ватой: я принял еще одну таблетку валиума, но так и не заснул. Сотовый все звонит и звонит попусту. Боже мой, Грация, отвечай... Что там творится?

— Вот она я, — наконец говорит, запыхавшись, — оставила сотовый в машине...

— В машине? Как так? Где ты была?

— Пришлось немного подвигаться, но ничего такого...

— Я сейчас буду!

— Нет, не надо! Ромео! Оставайся дома, не надо!

Десять минут, от силы одиннадцать — и я на месте. Синяя «диана» Грации стоит там же, где и утром, у мусорного бака. Рессоры пружинят, когда я вскакиваю внутрь.

— Я ведь просил сообщить, если что-нибудь случится!

— А я тебе говорю, что ничего не случилось! Подъезжал фургончик, привез инженеру какие-то штуки...

— Какие штуки?

— Не знаю, фургончик подъехал сзади, когда я прибежала, все уже загрузили в подвальное окошко...

— Грация!

— А что такого? Ведь ничего не случилось, из подвала ничего не вынесли, ни единого гвоздя! Главное это, правда?

— Откуда ты знаешь, что из подвала ничего не вынесли?

— Фургончик-то стоял пустой, я хорошо рассмотрела перед тем, как закрыли дверцу. И потом, там были шофер и рассыльный: неужели инженер вызвал бы фургон с двумя свидетелями, чтобы вывезти труп?

Я вздыхаю. Опускаю веки, но тут же поднимаю их: режет глаза.

В самом деле, Грация права.

— Что это был за фургон? Я хочу сказать, была ли на нем надпись...

— Конечно была. Предприятие, торгующее садовым инвентарем...

— Садовым инвентарем? Зачем инженеру садовый инвентарь, если у него нет сада?

Я срываюсь на крик. Грация берет меня за руку, но я резко отстраняюсь.

— Я скажу тебе, что было в том фургоне... лопата, заступ, мотыга, вот что! И знаешь зачем?

Грация кивает, держа палец во рту, потому что я, вырывая руку, сдернул у нее кольцо.

— Да, — шепчет она, — инженер потерял голову, он хочет выкопать труп, а потом уничтожить.

— Умница. И теперь мы должны глядеть в оба, чтобы помешать ему.

Грация в своей «диане» расположилась позади дома, чтобы приглядывать за подвальным окошком. Она туда отправилась с неохотой:

— Я бы предпочла остаться здесь, с тобой...

Я должен все для себя прояснить.

Последняя сигарета, скомканная пачка летит на асфальт.

Спертый воздух внутри машины, пропитанный табачным дымом и потом, стискивает горло, будто чья-то рука.

Инженер опять подходит к парадной двери, высовывается, подняв голову и наморщив нос, будто мышшь в мышеловке. Заметив меня, скользит по мне взглядом и отступает.

Попался, ублюдок.

Скоро сломаешься.

Звоню Грации на сотовый.

— Все в порядке?

— Да, все отлично. Он в подвале, что-то там делает, потому что закрыл окошко. Но наружу пока ничего не выносил.

— Хорошо.

— Я хотела бы сейчас быть с тобой. Я должен все для себя прояснить.

— Не спускай с него глаз. Скоро все кончится.

Я заснул. Привалившись спиной к дверце, приложив затылок к холодному стеклу, вытянув ноги на соседнее сиденье, я проспал не знаю сколько времени. Проснулся внезапно, с бешено колотящимся сердцем, жадно глотая воздух разинутым ртом.

Открываю глаза и ничего не вижу. Темный туман, припорошенный чернотой. Стемнело. Часы на приборной доске: почти десять.

Бросаюсь к ветровому стеклу, вглядываюсь — подъезд, ступеньки, домофон. Огонек над звонками дрожит в слезящихся глазах, размывая контуры всего, что я вижу. Но ее я вижу, черную полосу посреди светлого дерева парадной двери, и более темную вертикаль неплотно прилегающей створки. Подъезд открыт, и он, ублюдок, уже спустился по ступенькам и стоит на тротуаре.

С пластиковым мешком на плече.

Я выскакиваю из машины, и инженер застывает на месте, услышав, как хлопнула дверца. Смотрит на меня расширенными глазами, глазами загнанного зверя. Перебегая через улицу, я вижу, как он топчется в нерешимости, снимает мешок с плеча, будто собираясь закинуть его куда подальше. У него вырывается вопль отчаяния, он прижимает мешок к груди обеими руками и бежит к подъезду. Я бегу следом, согнувшись, едва касаясь подошвами асфальта: только бы успеть перехватить — и настигаю его на ступеньках, обрушиваюсь на него всей тяжестью, прижимаю к парадной двери, и та распахивается.

Мы летим кубарем в темный подъезд, я сверху, вцепившись в его пиджак, он внизу, подо мной, брыкается и вопит:

— Отпустите меня! Не имеете права! Отпустите меня!

Слышу, как мешок падает, катится по полу, исчезая в темноте.

Инженер пытается укусить меня за руку. Бьет каблуком в челюсть, и я чувствую на губах сладковатый привкус крови. На всех этажах открываются двери. Кто-то зажигает свет, лампочка с жужжанием вспыхивает, и я вижу черный пластиковый мешок в глубине коридора, почти у самой двери в подвал.

Я еще крепче вцепляюсь инженеру в пиджак, наваливаюсь на него, бью головой в лицо, отпихиваю в сторону и бросаюсь к мешку.

Под пальцами что-то мягкое, что-то длинное и сухое, что-то круглое.

Инженер толкает меня, пытается выхватить мешок, но я круговым движением руки припечатываю его к стене.

— Карабинеры! — вопит он. — Вызовите карабинеров! Помогите!

С рычанием я раздираю ногтями черный пластик. Бумажные пакеты, какие-то рейки, шпатель — и земля, уйма земли сыплется на пол парадного. Инженер смотрит на меня, ошарашенный, кровь запеклась у него под носом, губы дрожат. Грация пробирается между жильцами, которые, прямо в халатах, спустились со всех этажей, хватая инженера за руку, отводит в сторонку.

— Она все еще там, — кричу я, — он ее выкопал, но она все еще там!

Бросаюсь к подвалу, но дверь на замке. Инженер догоняет меня, хватая за плечо.

— Вы не имеете права! — орет он. — Не имеете права без ордера! Это мой дом!

Я отпихиваю его, трясущий замок. Потом поворачиваюсь, вижу Грацию, подбегаю к ней, сую руку под застежку куртки, обдирая пальцы о зубцы молнии. Выхватываю пистолет и, прежде чем она успевает меня остановить, всаживаю пол-обоймы в замок.

Оглушительный грохот.

Крики.

Сирена: прибыли карабинеры.

Пинком распахиваю дверь в подвал — и словно ледяная рука стискивает мне внутренности.

Земляного пола больше нет. Поверх него, зернистый, волнообразный, неровный, положен непроницаемый слой цемента, еще сырого.

Обернувшись, встречаю взгляд инженера. Он тоже дышит тяжело, и в какой-то миг на губах его мелькает торжествующая улыбка, но тут же улетучивается, когда он соображает, что пистолет по-прежнему зажат у меня в руке, свободно свисающей вдоль бедра, и я не забываю об этом. Но поднять руку я не успеваю. Грация расталкивает карабинеров, уже заполнивших коридор, и с воплем «Нет, Ромео, нет!» сшибает меня с ног.

Я валяюсь в подвал, и в тот же самый момент гаснет свет. Я погружаюсь в кромешную, непроглядную тьму, пропитанную сырым, вязким запахом цемента.

И кричу так, как никогда в жизни не кричал.

Отстранен от работы.

Отдан под суд.

Отправлен в отставку.

Помещен в больницу.

Почти целыми днями я гляжу на небо из окна и насвистываю *generique*. Я поставил эту мелодию на повтор, так что могу слушать ее бесконечно, целыми днями, даже ночью, пока кто-нибудь не придет и не выключит проигрыватель. Потому что теперь я сплю. Напичканный валиумом, все-таки сплю.

Грация приходит ко мне после работы и прислоняется щекой к руке, лежащей на подлокотнике кресла. Я должен все для себя прояснить. Иногда я слышу ее рыдания. Она кашляет, чтобы их заглушить, но слезы попадают мне на руку, и я это чувствую.

Я должен все для себя прояснить.

Об инженере я почти не думаю. Только время от времени. Закрываю глаза, сжимаю подлокотники. Время от времени. Остаток дня смотрю в окно и насвистываю *generique*.

Мне здесь хорошо.

Я насвистываю *generique*.

Она положила ногу на ногу, ячейки сетчатых чулок натянулись на колене, и он улыбнулся. Положил руку ей на бедро, начал выстукивать ритм в терции, ощутил под пальцами гладкую, прохладную кожу.

— Мы с тобой раньше нигде не встречались? — спросил как бы мимоходом.

— Может, и встречались, — отозвалась она. — Я стою у вокзала, а вы там рядом живете...

— Ну да. На моей улице одностороннее движение, я должен повернуть направо, чтобы выехать, и практически неизбежно проезжаю мимо тебя.

Переменил ритм на кварту. Снова почувствовал сквозь грубую сетку гладкую, прохладную кожу. Повернул руку, раскрытой ладонью обхватил колено.

— Позволь заметить, что этот цвет волос, ярко-рыжий, тебе малость не идет, поверь. Похоже, это парик.

Она повернулась, посмотрела на него сквозь темные очки. Он не сводил глаз с дороги, безмятежный, спокойный.

— Клиентам нравится, — пожала плечами она.

Бросила еще один взгляд, быстрый, искоса, но он по-прежнему глядел на дорогу. Невольно вздрогнула, когда его рука переместилась выше.

— Вот и приехали, — сказал он, сворачивая на проселочную дорогу и останавливаясь у поля. Отвел руку немного в сторону, нашарил на полу, между сиденьем и дверцей, отбитое

горлышко бутылки и зажал его в кулаке.

— Чудесное уединенное местечко, — похвалила она, просунула руку в сумочку, висевшую на боку, и рылась там до тех пор, пока пальцы не сомкнулись на шершавой рукоятке пистолета. — Нужно его запомнить.

Он кивнул. Потом оба одновременно развернулись, готовые к броску, и улыбнулись друг другу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

«Лифт на эшафот» (фр.).

Здесь: музыка, звучащая на титрах фильма (*фр.*).

Фильм ужасов «Сияние» снят режиссером С. Кубриком в 1980 г.

Образ действия (*лат.*).

RAI — государственное телевидение Италии (*ит.*).

Деловой английский (*англ.*).